

КИФЫ

2 (17)

ФЕВРАЛЬ
2004

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

в газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

“ВОСКРЕСЕНИЕ – ЭТО СЕРДЦЕ НАШЕЙ ВЕРЫ”

21 февраля в Вене скончался Сергей Сергеевич Аверинцев

В канун Прощеного воскресенья отошел к Господу один из выдающихся людей нашего времени, верный Богу и Церкви христианин, ученый с мировым именем, член Преображенского братства и Попечительского совета Свято-Филаретовского института академик Сергей Сергеевич Аверинцев.

Значение его слов и дел уже при жизни вышло далеко за рамки его профессионального служения и церковного статуса мирянина. То, что Господь сказал через него, будет еще осмысляться в церкви и обществе многие годы.

«Для нас он не просто член Попечительского совета нашего института, не просто даже и член нашего братства, который пополнил общину, братство наше на небесах, — сказал, вспоминая Сергея Сергеевича Аверинцева, в кратком слове в первые же дни после его кончины священник Георгий Кочетков. — Для нас он и тот человек, который мог быть связующим звеном эпох, мог быть голосом, словом нашей эпохи.

Он был фигурой знаковой и значимой для всех христиан, а можно сказать и не только христиан, потому что его сердце было столь расширено, что вмещало в себя нелицеприятно всякую правду. Если мы часто и слышим в Священном писании призыв к нелицеприятности, мы не всегда понимаем, что это значит. Мы слишком часто бываем узкими, невежественными и мрачными духом. Мы иногда бываем теми, кто не может порадоваться истине и кто не может разделить с другими их скорбь. Но Сергей Сергеевич был как раз тем редчайшим примером, который можно было бы назвать камертоном не просто всякого интеллигентного человека в нашей стране, но камертоном всякого человека, имеющего говорящую совесть и желающего ее голос услышать.

Я прошу вас, дорогие братья и сестры, молиться за него и, что не менее сейчас важно для всех нас, учиться у него. Учиться его светлomu и даже огненному духу, который мог быть и духом пророческим, и духом, познающим высшие тайны, и духом, откликающимся на всякую правду, на всякое добро и красоту в этом мире».

На этой полосе мы публикуем отрывок из проповеди, прочитанной С.С. Аверинцевым 14 декабря 2003 года в часовне Свято-Филаретовского института.

Воскресение Христа, самая наша вера в воскресение Христа — это сердце нашей веры в Церковь и наш ответ искусителю, бесу. Потому что чем была бы Церковь без присутствия в ней воскресшего Христа? Люди со своими слабостями. В истории — в земной, эмпирической истории церкви — много совсем печального, как в истории самых разных человеческих обществ. Но даже если не думать об этом, самые праведные, благородные, достойные уважения христиане сами по себе, без этого присутствия воскресшего Христа — что они могут со своей неполной праведностью, со своими ущербными добродетелями, со своим подлинным и все-таки недостаточным вдохновением?

Я позволю себе сказать вещь очень личную, позволю себе личное признание. Я не знаю, как искусителю разговаривает с другими людьми, но когда он разговаривает со мной, он не ссылается на науку и не заводит никаких разговоров по части критики богословия. Он говорит мне: «Погляди на себя: погляди, как ты молишься, погляди, как ты ведешь себя перед людьми — ну разве это не театр? И тебе не стыдно вообразить, что этот твой театр —

это что-то серьезное?» И я думаю, что в той лжи, которую он говорит, есть доля правды. Но дело в том, что я не один, со мной воскресший Христос. Только в этом дело, в этом существо вопроса о Церкви.

И тот воскресший Христос, та полнота силы, та полнота чудотворства, которая не сохраняет уже ничего от скованности ритуальными правилами, полнота пророчества, в которой ничего не остается от сосредоточенности на одной мысли — это сила, опыт, которые мы все имеем. И мы знаем, какие глаза у людей, которые, не обязательно имея какие-нибудь видения, однако получили конкретный опыт общения с воскресшим Христом. Мы знаем, скажем, каким было обращение владыки Антония Сурожского, который живет в Лондоне, и которого, слава Богу, еще до сих пор каждый из нас может спросить об этом, помимо того, что он об этом рассказывал.

Так вот: эта сила — сила, которая одна оправдывает все срединное, половинное блуждание между правдой и немощью в нас, в земном сообществе, в земном братстве.

Публикуется по магнитофонной записи

АНОНС:

Канонизирована мать Мария (Скобцова)

и вместе с ней — протопресвитер Алексей Медведков, священник Димитрий Клепинин, иподиакон Юрий Скобцов и мирянин Илья Фондаминский. Прот. Сергей Гаккель, готовивший материалы для канонизации, считает, что она послужит сближению православных церквей различных юрисдикций (с. 2).

Есть ли у нас альтернатива братству во Христе?

Наследие Поместного собора 1917-18 гг., о котором так много говорится, очень редко воспринимается нами в его живом и конкретном выражении. Статья Ольги Филипповой поможет услышать голоса тех, кто готовил Собор, кто столетие назад ставил вопрос, столь важный для нас и сейчас: сможет ли Русская церковь возродиться как живое Тело Христово? (с. 4-5)

Он не умещается в наши обычные определения

Верный рыцарь, служивший Церкви; тихий, робкий и все же мужественный свидетель веры; человек-слово, человек-знак, человек-эпоха — таким предстает С.С. Аверинцев в воспоминаниях близких друзей (с. 6-7).

О подвиге общения

Так называется совсем небольшая, но и по сей день имеющая большое значение для церковной жизни статья архиепископа Сергия Пражского. Сегодня в нашем номере целая страница посвящена архиепископу Сергию (с. 8).

Братство «Трезвение»

Мы публикуем первые документы и первые отклики, связанные с созданием братства, целью которого станет не просто помощь зависимым людям и их близким, но прежде всего — стяжание аскетической добродетели, давшей братству его название (с.10).

«Знание без воспитания — это меч в руках сумасшедшего»

На последней странице «Кифы» по традиции поднимаются проблемы воспитания и образования. Сегодня это — статья начальника отдела науки и высшей школы Департамента образования г. Москвы Евгения Бекметова, приглашающая читателей и авторов «Кифы» к диалогу (с.12).

КАНОНИЗИРОВАНА МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА)

и вместе с ней – протопресвитер Алексей Медведков, священник Димитрий Клепинин, иподиакон Юрий Скобцов и мирянин Илья Фондаминский

В начале февраля Священный Синод Константинопольского патриархата известил Западно-европейскую архиепископию приходов русской традиции в Париже о том, что 16 января к лику святых причислены пятеро подвижников, окончивших свой жизненный путь в 30-40-е годы XX века, вопрос о канонизации которых был рассмотрен Синодом по представлению архиепископа Команского Гавриила (де Вейльдера), экзарха приходов русской традиции в Западной Европе.

«Те, кто в жизни своей вели себя свято и набожно и жизнь свою через труд и слово посвящали служению в любви к Богу и ближнему, о ком после их преставления знаками и чудесами засвидетельствовал Бог, тем святая Церковь Христова умеет на все времена и со всяким бла-

Отец Димитрий Клепинин
(1904–1944)

гочеством воздать хвалу и обращаться к их заступничеству, принятою Препоблагом Господом нашим, для отпущения грехов и выздоровления болящих, — так говорится в официальном документе Синода. — Именно таким образом проявили себя в своей жизни протопресвитер Алексей Медведков, священник Димитрий Клепинин, монахиня Мария (Скобцова), ее сын Юрий Скобцов и Илья Фондаминский... Достоинством своей жизни и добрым примером они помогли укреплению многих верных. Во время Второй мировой войны, претерпевая множество страданий, они были подвергнуты мучениям, которые они твердо выдержали. И в жизни своей, и после смерти они были удостоены Господом дара чудотворения».

Вопрос о канонизации матери Марии (Скобцовой) поднимался и в Русской православной церкви. Первое официальное обращение в Синодальную комиссию по канонизации датировано 1991 годом и опубликовано в 3-м номере журнала «Православная община». В настоящее время в Православной церкви канонизирована большая часть из тех, кто был предложен журналом. Мы надеемся, что имена Алексея Хомякова, епископа Михаила (Грибановского) и архимандрита Тавриона (Батозского) также будут включены в святцы нашей церкви.

О новопроставленных святых (по материалам «Благовест-Инфо»):

Протопресвитер Алексей Иванович Медведков родился 1 июля 1867 года в Смоленской губернии в семье священника. В течение 23 лет служил сельским священником под Ямбургом (Санкт-Петербургская губерния). После революции был арестован большевиками, бит нагайками и приговорен к смертной казни. Старшая его дочь добровольно стала заложницей и о. Алексею сохранили за это жизнь, но след мученичества навсегда остался на его полупарализованном с тех пор лице. В 1919 г. выехал в г. Кохтла-Ярве (Эстония), где работал на рудниках, чтобы прокормить семью, а затем ночным сторожем. С 1923 г. служил в храме Богоявления под Кохтла-Ярве. В 1929 г. переехал во Францию. Служил в Александро-Невском соборе в Париже, затем в храме св. Николая в г. Южин в Савоие. Он умер от рака 22 августа 1934 года во французском городе Анси. По свидетельству близких, накануне своей кончины он «громко воспевал церковные песнопения, утром же смиренно и неслышно отошел к Господу». Во время погребения все провожавшие о. Алексея в последний путь вдруг как-то «светло успокоились, почувствовав, что душа его ушла не в темноту могильную, а к Господу в Его пресветлые селения». О. Алексей был похоронен на кладбище Анси, а в 1956 году в связи с закрытием этого кладбища его останки были вскрыты и обнаружены нетленными. Они были перезахоронены в 1957 году на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Священник Димитрий Андреевич Клепинин родился в 1904 году в Пятигорске в семье архитектора. После революции эмигрировал с семьей в Константинополь, затем в Белград. В 1920-е годы член кружка православных студентов, основанного Н.М. Зерновым и М.В. Зерновой. Окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1929 г., первый выпуск). В 1937 г. женился на Т. Ф. Баймаковой. В 1937 стал священником. Один из основателей (вместе с матерью Марией (Скобцовой)) благотворительной и культурно-просветительской организации помощи русским эмигрантам «Православное дело», а также общежития для обедневших русских эмигрантов на ул. Лурмель в Париже. Настоятель домового храма при этом общежитии. Принимал участие в деятельности Сопротивления. 8 февраля 1943 г. был арестован гестапо вместе с другими сотрудниками «Православного дела» и заключен в нацистский концлагерь Компьень, а затем в подземный лагерь «Дора» (Бухенвальд). Претерпел многочисленные издевательства и 8 февраля 1944 года погиб в Бухенвальде.

Монахиня Мария (в миру Елизавета Юрьевна Скобцова, урожденная Пилленко, в первом замужестве — Кузьмина-Караваева) родилась 8 (21) декабря 1891 года в Риге. Первая женщина, окончившая Санкт-Петербургскую

духовную академию (заочно). До революции была членом партии эсеров. В 1917 году — городской голова г. Анапы. Эмигрировала в 1921 году и поселилась в Париже. Приняла монашество в 1932 г. Мать Мария была избрана местным секретарем Русского студенческого христианского движения (РСХД) во Франции по работе во французской провинции, а затем (с 1933 года) секретарем Центрального секретариата РСХД по миссионерской и социальной работе. Позднее она основала благотворительную и культурно-просветительскую организацию помощи русским эмигрантам «Православное дело», а также общежитие для обедневших русских эмигрантов на ул. Лурмель в Париже. В 1943 г. арестована фашистами за работу в Сопротивлении и укрытие евреев. Погибла 30 (или 31) марта 1945 года в концентрационном лагере Равенсбрюк.

Иподиакон Георгий (Юрий Данилович) Скобцов родился 27 февраля 1921 года. Сын Елизаветы Юрьевны Скобцовой (будущей матери Марии). Принимал участие в работе благотворительной и культурно-просветительской организации «Православное дело». Мученически погиб 10 февраля 1944 года в нацистских лагерях.

Илья Исидорович Фондаминский (Фундаминский) родился в 1880 году в Москве в состоятельной еврейской семье. Вступил в партию социал-революционеров (эсеров). Участвовал в террористических организациях. Учился в Гейдельберге и Берлине (1900-1902). Принимал участие в организации восстания на флоте в 1905 году. Эмигрировал во Францию (1906-1907). После установления ленинской диктатуры снова эмигрировал во Францию в 1919 году. Историк, публицист. Редактор журнала «Современные записки». Один из организаторов «Лиги православной культуры» (1930). Вместе с супругой Амалией Осиповной Фондаминской (урожд. Высоцкой), дочерью чаепромышленцев

Илья Исидорович
Фондаминский (1880–1942)

Высоцких, оказывал благотворительную помощь многим русским эмигрантам во Франции. Участник Русского студенческого христианского движения (РСХД) и «Православного дела». Перед приходом в Париж фашистов отказался покинуть Францию и погиб в немецком концлагере 19 ноября 1942 года, приняв крещение незадолго до смерти.

ВПЕРВЫЕ ПРОСЛАВЛЕНЫ РУССКИЕ БЕЖЕНЦЫ

Интервью с протоиереем Сергием Гаккелем

«Кифа»: Как Вам кажется, послужит ли совершившееся прославление межправославному единству, сближению разных юрисдикций?

Прот. Сергей Гаккель: Я надеюсь, что это будет так. Эту канонизацию производит Вселенский патриархат. Нужно сказать, что материал был под-

Мать Мария (Скобцова)
(1881–1945)

готовлен Еленой Клепининой и Татьяной Викторовой в первую очередь для Московской патриархии, и одновременно, через Парижский экзархат, предложен Константинополю. Когда в прошлом году был избран новый архиерей экзархата в Париже, владыка Гавриил, он заново взялся за это дело, и сегодня мы видим результат. Два года тому назад, когда я встречался со Вселенским патриархом, я подарил ему греческий перевод моей книги о матери Марии. Я ему и сказал тогда, шутя: «Вам это, может быть, полезно будет, если Вы приступите к канонизации». Он доброжелательно ответил: «Почему бы и нет?».

Конечно, дело продвигалось медленно. Это и вопрос дипломатии — может быть, Константинополь не хотел прославлять русских, ведь это может считаться делом Московской патриархии. Хотя, с точки зрения церковного права, надо прибавить сразу, все эти подвижники с 1931-го года находились под омофором именно Вселенского патриарха, так что в этом смысле все правильно.

Само прославление будет происходить в начале мая. Я надеюсь, что меня пригласят, как и епископа Василия, нашего епархиального архиерея. Это частичный ответ на Ваш вопрос о сближении разных юрисдикций. И все мы рады, что впервые прославлены русские беженцы, русские эмигранты. Я надеюсь, что там будут представители разных Церквей, не только Константинопольской, но и

других православных Церквей. Потому что это торжество всеобщее.

Теперь, конечно, ставится особый вопрос, как все это будет опрарвлено в церковной риторике или искусстве. Надеюсь, что здесь не будет никакой ложной торжественности, что скромность каждого из новопроставленных будет отмечена и окажет на нас должное влияние.

«Кифа»: Отец Сергей, а будете ли Вы публиковать материалы, которые были представлены на канонизацию?

Прот. Сергей Гаккель: В каком-то смысле это переиздание многих замечаний, высказываний, того, что есть в других книгах и печатных изданиях. Это было составлено, чтобы обратить внимание на святость, но биографический материал не новый. То, что будет вскоре издано отдельно, и совершенно отдельно от канонизации — это каталог творческой работы матери Марии, иконопись и вышивка, для готовящейся выставки, как мы надеемся, в Русском Музее у вас в Петербурге.

«Кифа»: А когда будет эта выставка?

Прот. Сергей Гаккель: Может быть, даже в этом году или в следующем. Главная записка — это деньги, в которых мы еще нуждаемся для страховки материала. Такая выставка, сопровождаемая объемистым каталогом, впервые даст полное представление о ее творчестве в области иконописи, вышивки и ткани.

Готовится в русском издательстве «Путь» также пятитомное собрание сочинений матери Марии под редакцией Татьяны Викторовой. Оно издается с моим предисловием. Это первое научное издание, проверенное по рукописям, туда попадают и новые материалы. Надеюсь, что дело пойдет и до тома, где будут изданы все стихотворения, многие из которых находятся у меня еще в рукописном виде, и не только у меня. В Париже тоже хранятся рукописные запасы. Их никто еще не исследовал как следует, т.к. почерк матери Марии необычно труден.

«Кифа»: Отец Сергей, скажите, пожалуйста, а какова реакция, если она есть, Константинополь не хотел прославлять русских, ведь это может считаться делом Московской патриархии?

Прот. Сергей Гаккель: Десять дней тому назад у нас было собрание духовенства. На этом заседании мной было объявлено, что происходит. И все были очень рады. И каждый вернулся на свой приход с этой вестью, а как они будут действовать — еще неизвестно. Что касается нашего прихода, то многие хотят попасть в Париж на само прославление, говорят о групповой поездке. И еще — давно уже была подана такая мысль, что если мать Мария будет прославлена, то, может быть, наш приход будет посвящен ей — один из первых с таким посвящением.

Беседовал Александр БУРОВ

ПАНИХИДА ПО СЕРГЕЮ СЕРГЕЕВИЧУ АВЕРИНЦЕВУ

была отслужена в часовне Свято-Филаретовского института 28 февраля

Панихиду служил священник Георгий Кочетков, ректор СФИ. Ему сослужили протопресвитер Виталий Боровой и игумен Иннокентий (Павлов). Вместе со студентами и преподавателями СФИ молились друзья и коллеги покойного: Е.Б. Пастернак, О.А. Седакова, Н.В. Брагинская, Ю.Н. и О.С. Поповы, академик В.Н. Топоров.

Панихида, как напомнил предстоятель, — это еще не отпевание. Отпевание состоится после того, как Сергей Сергеевич, в соответствии с его волей, будет похоронен на Даниловском кладбище рядом с родителями.

В своем слове по окончании панихиды о. Георгий отметил, что часовня СФИ выбрана для поминальной службы не случайно: будучи членом Попечительского совета Института,

Сергей Аверинцев в этом месте «трудился во славу Божию, исполняя церковное послушание и служение». Он во всем слушал голос Божий, наполняя все, что делал, новозаветным смыслом, который предполагает отдачу Богу всего сердца, — сказал о. Георгий в продолжение своего слова, — ему удалось в собственной жизни воплотить всю полноту христианской традиции. Это позволило ему занять уникальное место в духовной жизни России: с 60-х гг. его имя стало «символом духовного возрождения и символом Любви».

Когда во время панихиды прозвучали два псалма в переводе Аверинцева, его присутствие было особенно ощутимо.

Ярким свидетельством духовного присутствия Сергея Сергеевича Аверинцева в этот вечер в стенах СФИ было и то свободное и светлое общение, которое продолжилось между

гостями и сотрудниками Свято-Филаретовского института сразу после панихиды. Участники службы познакомились с открывшейся в одной из аудиторий института небольшой фотовыставкой, посвященной памяти покойного. На фотографиях можно было увидеть Сергея Сергеевича облаченного в стихарь и помогающего за богослужением. Некоторые представители светской науки были поражены — такой образ почившего ученого оказался для них настоящим откровением.

После панихиды прозвучало предложение организовать специальную конференцию памяти С.С. Аверинцева и выпустить мемориальный сборник.

Некоторые из кратких слов, сказанных на панихиде сослужившими священниками, друзьями и близкими покойного, мы публикуем в этом номере на с. 7

ВСТРЕЧА СРЕТЕНСКО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО БРАТСТВА

Как и в прошлые годы, преподаватели, сотрудники и студенты Свято-Филаретовского института, а также члены братства "Сретение" и его друзья отпраздновали Сретенье Господне поездкой в подмосковный лагерь отдыха.

Кроме отдыха и братского общения, эти дни для участников встречи были наполнены многочисленными семинарами и беседами об экклезиологии, о вопросах христианского владения собственностью, а также о различных аспектах слушания и слышания Бога и ближнего в церковной жизни.

В рамках празднований прошла первая встреча православного братства "Трезвение", на которой обсуждались пути помощи людям, страдающим от алкогольной, наркотической и табачной зависимости. В ней приняли участие сами зависимые, их родственники и желающие помочь добровольцы. Цель братства — достижение традиционной православной аскетической ценности трезвения, что принципиально отличает его от известных исторических и современных христианских братств и светских обществ трезвости, ориентированных, прежде всего, на избавление от греха и недуга, и поэтому нередко невольно об-

рекающих своих членов на то, чтобы всю жизнь заниматься только этой проблемой.

15 февраля, в день Сретения Господня, который в этом году совпал с Неделями о Страшном Суде, по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия одним из клириков московского Новодевичьего монастыря была отслужена праздничная литургия. Как и в прошлом году, на ней сослужил ректор института священник Георгий Кочетков.

Среди собравшихся было множество детей и молодежи, и в течение всей поездки для них устраивались театральные представления, совместные игры и мастерские.

Для сотен взрослых участников поездки она стала этапом подготовки к XIV-й международной научно-богословской конференции Свято-Филаретовского института (в сотрудничестве с другими научными и учебными организациями, а также журналом "Вестник РХД") "Вера — диалог — общение: проблемы диалога церкви и общества", которая пройдет в конце сентября в Москве.

НА ПРАЗДНОВАНИИ ДНЯ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ ГОВОРИЛИ О СЛУШАНИИ И СЛЫШАНИИ

День православной молодежи в подмосковной Электростали на Сретенье отметили вместе с друзьями юноши и девушки из Преображенского содружества братств. К радости прихожан молодые люди из разных городов России в количестве около 80 человек заполнили местный храм Вознесения Господня, начав свою встречу (по-славянски "сретение") с участия в литургии. Затем братское общение продолжилось за трапезой и на круглых столах, где обсуждалась принятая Содружеством для общего духовного размышления в течение года тема "Слышание и слушание Бога и ближнего". Оригинально выступили в празднике представители городских властей: внезапно заболевшая накануне гриппом руководитель департамента местной администрации по молодежной политике прислала свою дочь — ровесницу большинства участников встречи. По благословению настоятеля

храма в работе круглых столов принял участие клирик Вознесенской церкви священник Игорь Кузьмин. Мы попросили некоторых участников события поделиться своими впечатлениями.

Олеся Черкасова (Москва):

День начался с литургии. Когда мы дружной гурьбой вошли в храм, то заполнили его почти наполовину, и участники, я думаю, было намного больше, чем обычно. К нашему появлению прихожане отнеслись доброжелательно. Я сама слышала, как одна женщина сказала: "Молодежь в церковь ходит... Хорошо". Отец настоятель благословил

нашу дальнейшую встречу.

Больше всего меня поразило интерес и даже энтузиазм, с которым проходило обсуждение. Круглые столы проводились на общую для Преображенского содружества тему этого года "Слышание и слушание". И хотя все четыре рабочие группы "застряли" на обсуждении значения этих терминов (как правильно: "ты меня слушаешь, но не слышишь" или "ты меня слышишь, но не слушаешь"), беседа оказалась плодотворной. Плавню минуя такие "трудные темы" как слышание/слушание старших (а уж тем более послушание!), мы пришли к следующим выводам: во-первых, для того, чтобы услышать друг друга, нужны открытость, интерес, готовность принять опыт другого; во-вторых, не все и не всех стоит слушать. Должен быть внутренний ориентир, в качестве которого многие называли совесть (или голос Божий внутри нас). В-третьих, стало понятно, что

услышать другого, понять его, очень непросто.

Конечно, нашей задачей не было (да и не могло быть) доведение этого обсуждения до какой-то завершенности. Точку ставить еще рано, мы только в начале. Примерно половина участников — члены совсем новых «молодежек» (групп молодежи — прим. "Кифа"), они встречаются меньше года. Но то, как горели у многих глаза, когда они делились своими впечатлениями, говорит, что наше общение удалось, мы друг друга слышали.

Людмила Луцук (Электросталь) и Екатерина Максимова (Москва):

Вначале, на круглых столах, мы пытались договориться о понятиях, что такое "слышать" и что такое "слушать" в контексте нашей темы. Человек слышащий и слушающий — это не одно и то же. Можно слушать другого, но не услышать его. Услышать — значит

воспринять, пропустить через себя слово и отозваться на него. Труднее всего научиться слушать и слышать Бога. Часто Господь говорит с нами через какие-то события или через людей. Как понять, что мы действительно слушаем и слышим Бога? Критерием того, что нужно слушать, а что нет, является плод, если он виден, а если нет, то внутренний голос человека, его совести, голос Бога в человеке.

После двухчасового обсуждения этой темы по четырем круглым столам мы подвели итоги и поделились друг с другом планами своих групп на ближайшее время.

День православной молодежи завершился общей молитвой. Такие встречи важны не только для собирания молодежи, но и для всей Церкви, ведь молодежь — это следующее поколение, и от него многое зависит. Хочется почаще собираться, тем более в таком составе.

УЧИТЬСЯ РАЗМЫШЛЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ЦЕРКОВНОГО ПРЕДАНИЯ

21 февраля 2004 г. в Свято-Филаретовском институте состоялась традиционная студенческая конференция "Сретенские чтения". Конференция проводится ежегодно, и в этом году она стала десятой. В ней участвовали не только московские студенты СФИ, но и многие заочники из различных городов России и других стран, преподаватели, а также представители других вузов.

Уровень многих докладов на "Сретенских чтениях" был весьма высоким, что уже стало традицией и что особенно отраднo для студенческой конференции, отражающей лишь начатки самостоятельной исследовательской работы. И все же хочется подчеркнуть, что главное достоинство "Чтений" заключается в актуальности представляемой на них тематики и в живой дискуссии. Выступления отличаются заинтересованностью в проблемах сегодняшней жизни церкви и в задачах, которые стоят перед народом Божиим сегодня.

На конференции состоялось пленарное заседание и работало пять секций, по числу кафедр СФИ. Охватить все содержание "Чтений" в кратком обзоре очень трудно, поскольку прозвучавшие доклады, которых было около пятидесяти, были очень разнообразны по тематике. Поэтому отметим лишь некоторые моменты, надеясь, что это даст общее представление о направленности и атмосфере конференции.

На пленарном заседании было сделано три доклада. И. Борщ в своем выступлении осветила проблему изменчивости и неизменности церковных канонov, представив аудитории дискуссию вокруг канонov начала XX в. и выделив в ней две основные позиции: держаться за каноны любой ценой или осмысливать их в связи с меняющейся церковной действительностью. Живейший интерес вызвал доклад В. Котта на традиционную для СФИ тему об истории переводов богослужебных текстов на русский язык. Была представлена также работа О. Цкитишвили, сопоставляющая контекст жизни ранней христианской церкви и кумранской общины.

На секции кафедры богословских дисциплин и литургии прозвучал ряд докладов по истории литургических чинov и богослужебных элементов. Все они так или иначе имели выход на проблемы современного богослужения и нынешнего восприятия богослужения. Например, в рамках рассмотрения истории агап (Ю. Киселева) был поднят вопрос об осмыслении чина этого богослужения, исходя из непосредственного знания греческого слова "агапе". В дискуссии по сообщению Н. Титовой об элементах мистериальности, воспринятых христианским богослужением в определенный момент истории, обсуждался вопрос о том, что означало такое развитие. В докладе по святоотеческому богословию, посвященном одному из Слов свт. Григория Богослова (М. Поликарпов), было показано, насколько разбор богословских понятий у свт. Григория отвечал реалиям и потребностям церкви его времени. Это заставило подумать о том, в какой степени богословие должно соответствовать запросам эпохи, и о том, живо ли богословствование в сегодняшней церкви. Прозвучал также интересный доклад об отражении храмового богослужения в духовных стихах христоверov (К. Сергазина), который во многом позволил взглянуть на духовный мир и богослужебный опыт этой группы, отвлекаясь от существующих стереотипов.

По кафедре миссиологии, катехетики и гомилетики была представлена интересная работа о значении проповеди в жизни членov церкви, в которой были использованы результаты опроса людей, живущих в церкви приходской

либо общинной жизнью (С. Ляте). Оказалось, что в отношении к проповеди можно увидеть прямую связь с экклезиологией: для людей, придерживающихся "приходской" экклезиологии, проповедь является чем-то по меньшей мере добавочным (если не излишним) по отношению к богослужению. Похожая позиция существует и по отношению к миссии. Важнейшую мысль протопр. Александра Шмемана о том, что миссия - это не что-то дополнительное по отношению к ехаристической жизни, а то, что прямо из этой жизни вытекает и является ее внешним проявлением, С. Нестерович постарался раскрыть на конкретном примере жизни общины, показав, как миссия берет свое начало в той любви, в той "агапе", которая реально существует в общине. В докладе И. Замараевой была сделана попытка показать на материале Священного писания необходимую в миссии, но весьма непростую связь между свидетельством Духа и дидактическими миссионерскими приемами. Среди работ по катехизации нужно отметить исследование В. Якунцева, представившего спектр катехизаторских подходов и практик, существующих сегодня в различных церквях на территории бывшего СССР.

Среди докладов секции кафедры Священного писания хочется выделить два посвященных переводам на русский (Д. Матвеев) и белорусский (А. Спицын) языки. Было очень интересно одновременно взглянуть на этот вопрос с позиций истории двух соседних народов и увидеть, насколько по-разному начиналось и развивалось дело перевода Писания в такой разной культурно-исторической среде, как московские земли и юго-западные территории восточного славянства.

На секции кафедры философии и гуманитарных дисциплин тематика была чрезвычайно разноплановой, например: С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев о задаче для христианства "быть более социальным" (М. Шилкина); братское движение в исламском мистицизме на примере суфийского ордена Сухравардия (Д. Садур); современный православный храм в России (Л. Луцук) и многое другое.

По кафедре истории церкви общей для всех выступлений оказалась тема общинной и братской жизни. Один доклад рассматривал историю ранней церкви, сравнивая апостольскую общину с ранними монашескими общинами прп. Пахомия, свт. Василия Великого и прп. Иоанна Кассиана (А. Цветков). Остальные выступления были связаны с историей РПЦ конца XIX и XX века. Здесь прозвучали историко-биографический очерк о предтече русского приходского возрождения прот. Валентине Амфитеатрове (Е. Бут), сообщение о выдающемся петербургском священнике прот. Иоанне Егорове и его общине (Ю. Балакшина), обзор деятельности межприходского братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа (З. Дашевская), рассказ об истории и сегодняшней жизни беседнического движения в РПЦ (А. Дударев).

Ежегодные "Сретенские чтения" Свято-Филаретовского института несмотря на их небольшой масштаб, - радостное и заметное событие. Их можно оценить как реальное расширение поля богословской дискуссии и возможность для членov церкви, получающих духовное образование и делающих в богословии свои первые шаги, творчески прикасаться к богословскому и литургическому наследию Церкви, к ее истории, учиться размышлять, ставить вопросы и искать на них ответы в контексте церковного Предания.

Лариса МУСИНА

Вопрос о реформе Российской Православной Церкви в кон. XIX-нач. XX вв. остается плохо изученным. Это не только значительно обедняет наши знания по истории России этого периода, но и обуславливает весьма скромный уровень общих знаний по истории нашей церкви. Лишь в последнее время стал появляться ряд серьезных исследований, касающихся этой тематики. Однако чем отчетливее вырисовывается церковная жизнь конца синодальной эпохи, тем легче заметить, что и сегодня перед нашей церковью стоят задачи, во многом сходные с задачами того времени, которые только накапливались в течение долгих лет советских гонений на Церковь, но так до сих пор и оставшиеся неразрешенными. Это, прежде всего, вопросы соборного управления Церкви, связи епископа со своей паствой, создания церковного суда, духовного образования, а также жизни прихода.

Хронологически первым авторитетным источником начала XX в., комплексно излагающим эти вопросы, являются собранные в 1905-06 гг. "Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе". Из них становится очевидным почти полное единодушие

мышляя над этими вопросами, иерархи затрагивали их в контексте целей и задач церковно-приходской жизни, общей молитвы, устава, личного благочестия, духовного просвещения и образования, диаконии. Такой пастырский подход и память о миссии Церкви на земле роднит архиерейские отзывы 1905-06 гг. с приходским Уставом, выработанным Собором 1917-18 гг., который предваряет вводная статья соответствующего содержания. К сожалению, это нельзя отнести к ныне действующему Уставу, даже с оговорками.

Думаю, что начать размышление над мнениями епископов стоит, прежде всего, с прояснения смысла слова "приход", которое в ответах российской иерархии имеет неоднозначное наполнение. Это позволит нам прикоснуться и к попыткам решить вопрос о границах Церкви, предпринятым еще в начале XX в.

"Приход, - пишет еп. Георгий (Орлов), - это малая Церковь, а Церковь по учению апостола Павла (Рим. 12:45), есть живой организм, тело. Поэтому, в нормальном приходе связь между пастырем и прихожанами и у прихожан между собой столь тесная, живая, сколь тесна связь между членами в живом челове-

ЕСТЬ ЛИ У НАС АЛЬТЕРНАТИВА БРАТСТВУ ВО ХРИСТЕ?

Епархиальные архиереи 1905-06 гг. о реформе прихода

епископов в расположении к реформе, обновлению и оживлению существующего церковного строя и именно они легли в основу работы Предсоборного Присутствия (1906-07 гг.) и Предсоборного Сопрошения (1912 г.), которые в свою очередь подготовили деяния Поместного Собора 1917-18 гг.

Все выдающиеся иерархи русской церкви революционной и послереволюционной поры представлены в числе их авторов: будущие патриархи — Тихон (Белавин) и Сергей (Страгородский), Евлогий (Георгиевский), позднее митрополит Западно-Европейский, Антоний (Храповицкий), который потом стал главой Русской Зарубежной Церкви, будущие митрополиты и мученики Агафангел (Преображенский), Арсений (Стадницкий), Владимир (Богоявленский) и др.

Творческая мысль епископов, как и авторов лучшей богословской, пастырской и публицистической литературы того времени, была сосредоточена на поисках пути воплощения духа соборности, который, по мнению многих архиереев, "должен одухотворять, прежде всего, простейшие единицы церковной жизни"¹. Сто лет назад российскому об-

щескому теле". В таких апостольских образах определяет идеальную приход значительная часть архиереев 1905-06 гг. А вот пример "апофатического определения" и картина реального прихода в описании будущего митрополита Евлогия: "Современный приход — это вовсе не та чудная христианская община любви, не та святая семья Божья, у которой было одно сердце и одна душа: это — случайное собрание чуждых друг другу людей, которые изредка сходятся в храм, чтобы сейчас же разойтись из него в разные стороны, совершенно забыв друг друга. Пастырь часто мало знает свою паству, а последняя совершенно равнодушна к своему пастырю". "Куча камней, не соединенная никаким цементом, - цитирует полюбившегося писателя в своем отзыве епископ Арсений (Стадницкий), - более имеет связи, чем члены приходской Церкви: ежи один камень возьмешь из кучи, непременно другой, соседний камень пошевелится; а бери любого члена в приход, обижай его и делай с ним, что хочешь, — все другие члены, за небольшими исключениями, и не тронутся <...> Неужели здесь — все, что от нас требует православная Церковь? Столь безжизненное положение основной церковной ячейки — прихода вызывает серьезные опасения".

К началу XX в. было совершенно очевидно, что приход, в том виде, в котором он находится, не устраивает никого, - ни государство², ни, особенно, церковь. Это время, когда последний его рубеж и оплот — каноническая граница — начинает разрушаться, уже явно оформилось в событиях 1917 г. Несомненно, что этому процессу способствовал бурный экономический рост страны, сопровождавшийся резким и ничем не контролируемым перемещением русского населения. "Разложение же и омертвление приходской жизни особенно заметно в городах, и какие отсюда грустные и страшные последствия. Какой упадок религиозно-нравственной жизни!", - отмечает владыка Евлогий.

Начало разрушения канонической границы мы можем увидеть на одном из многих примеров, который может быть, наиболее значим для последующей истории России, - примера с рабочим классом. Здесь будет уместно напомнить, что высказывание о высокой религиозности русского народа предреволюционной поры всегда стоит понимать в контексте разговора о традиционной, патриархальной религиозности православных людей с устоявшимся, расставленным "годовым кругом" и неизбежным акцентом на об-

Первый архиерей-новомученик, митрополит Владимир (Богоявленский), фото 1913 г.

ществу этот путь виделся в предоставлении приходской общине прав юридического лица, права распоряжения церковными суммами и имуществом, в выборе священников и лиц клира, в устройстве органов приходского управления? Раз-

рядовой стороне своей церковности, среди которых грамотные составляли чуть более 20%. Оказавшись вырванными из родной среды, эти люди, как правило, начинали отходить от веры. Но констатация этого факта не снимает вопроса о том, как такие люди могли сохранить свою религиозность? Ведь рабочие были вынуждены трудиться по 12 часов в день, ходить в переполненные храмы, где была «чистая публика», где на одного священника приходилось до 2-3 тысяч прихожан. «Мыслимо ли совершение надлежащим образом таинства исповеди, - отмечает митрополит Флавиан (Городецкий), - когда к священнику в один день или, точнее, в половину дня является несколько сот человек (согласно установившемуся укладу, причащались строго на первой и последней неделе Великого Поста - О.Ф.), и не обратится ли она в простой обряд накрывания головы кающегося епитрахилью и прочтения разрешительной молитвы?». При этом возможность даже недельного говенья рабочих была крайне затруднена, а в традиционном укладе - раз ты не постился, значит, ты и не можешь причаститься⁴, и значит, ты - вообще уже никто⁵.

Наверное, мы здесь не найдем более яркого примера узнавания *времен и стро-*

Отец Иоанн Кронштадтский в гостях у одного из столичных братств. Санкт-Петербург, начало XX века.

ков, хотя, слава Богу не единственного, чем пример отца Иоанна Кронштадтского, который, уловив начало разрушения территориального принципа в приходской жизни, поставил в центр своего пастырского служения Евхаристию. Надо сказать, что сам Устав 1917-18гг., также как и Устав, ныне действующий, ни в каком смысле не учитывают этой перемены, и даже запись прихожан в приходскую книгу не в состоянии дать главного ответа на новый вопрос. Тем не менее, в оправдание Собора 1917-18гг., стоит указать на то, что один из пунктов вводной статьи приходского Устава содержит ссылку на 80-е правило VI Вселенского Собора об отлучении от Церкви пропустившего евхаристическое собрание без уважительной причины три воскресенья подряд. Очевидно, здесь мы видим одну из первых робких попыток сблизить мистериальные и канонические границы прихода. Робких потому, что в самом Уставе 1917-18гг. мы не найдем никакого развития этой мысли, и вопрос о членстве в приходе по-прежнему решен в нем исключительно на основе единой территории. Что же касается архиерейской мысли 1905-06гг., то тут мы, к сожалению, не встретим призыва к участию в Евхаристии. Однако стоит отметить, что часть епископов оказывается в чем-то более гибкой, чем соборное решение 1917-18гг., и все-таки признает, что «малую Церковь» объединяет не столько «проживание в одном районе» или храм-здание, сколько Кто-то другой. Пожалуй, наиболее четко такой взгляд прочитывается в отзыве митрополита Владимира (Богоявленского), последние годы жизни которого также свидетельствуют об этом понимании. Он пишет: «Попечительства, равно как и другие свободные религиозно-нравственные союзы и братства, не только не излишни, но на учреждение и развитие их должно быть обращено самое серьезное внимание епархиальной власти и настоятелей церквей». Стоит заметить, что, говоря об этих свободных союзах, митрополит не имеет в виду учреждений, находящихся в подчинении у прихода, так называемых «приходских комиссий»⁶. И позднее, в работе IV отдела Предсоборного Присутствия мы найдем голоса епископов в

Митрополит Арсений (Стадницкий) (сидит, второй слева) в кругу православных иерархов и клириков в среднеазиатской ссылке. Фото 1927 г.

поддержку определения прихода, в котором в качестве необходимого его критерия подчеркнута отсутствие указания на то, что приход - это объединение христиан *при храме* (здании)⁷. Эта гибкость мысли части русского епископата не была воспринята большинством Собора 1917-18гг. Есть в архиерейских отзывах и другой акцент, касающийся храма. Так в ответе, присланном епископом Евфимием (Счастливым) мы читаем: «Забора о благолепии храма должна уступить потребности христианской общины в общих для молитвы собраниях. Пусть помещения для этих собраний будут самые скромные по размерам и обстановке, пусть не выпускается из вида, что Дух Святой сошел на апостолов не в величественном храме, а в горнице. Только таким путем, при ограниченности народных средств, возможно будет питать духовной пищей русский деревенский народ». Кажется, этот взгляд не очень популярен и до сих пор. Правда, может быть, за последнее время наш народ сильно разбогател...

«По новейшим исследованиям о древнерусском приходе, - отмечает епископ Арсений (Стадницкий), - православный русский приход был не только территориальной, как теперь, единицей, но живой и деятельной, правильно организованной общиной». Этот же взгляд разделяет и епископ Агафангел (Преображенский): «для оживления <прихода> является необходимым, прежде всего, признать духовенство прихода, - вместе со всеми без исключения верующими этого прихода - одной христианской общиной, малой Церковью, недробимой частью единого тела Христова, в котором должен жить и единый дух Христов. В церковном приходе должна быть установлена не противоположность, а общность стремлений к единой общей цели - созиданию всего церковно-приходского народа в истинную Церковь Божию, в напоенное Духом Божиим тело Христово». По мнению епископа Христофора (Смирнова), «помочь делу <возрождения церкви> может восстановление приходских братств, но не в смысле благотворительных только учреждений, каковое значение братства получили только в позднейшее время, когда истинная идея братства исчезла из сознания общества, а в смысле живых органов, проникнутых идеей братства во Христе и могущих оживать и вдохновлять весь церковный организм. <...> Пока не возлюбим братство в самом широком смысле как древне-церковную, из существа христианства вытекающую и существу Церкви вполне отвечающую, жизненную норму, до тех пор никакие реформы не воскресят настоящую, истинную жизнь Церкви, умирающую именно с угасанием и умиранием в Церкви идеи братства во Христе».

Эти цитаты из «Отзывов епархиальных архиереев» показывают нам устремленность взгляда епископов к новозаветной перспективе. Предсоборным же мечтам архиереев о «малой Церкви» и «братстве во Христе» удалось осуществиться уже после 1917г., когда прозвучал призыв патриарха Тихона о создании братств⁸, которые стали очень быстро появляться по всей стране. Это, безусловно, свидетельствует о присутствии сродного опыта в конце синодальной эпохи. Постереволюционным братствам, наконец, удалось явить давно забытую

церковную норму «общения святых», в которой канонические, мистериальные и мистические границы церкви совпадают. Все церковные таинства, и в первую очередь таинства Крещения и Евхаристии, снова стали совершаться в них в *таинстве соборности* верных во Христе, которое само есть богослужение и таинство⁹.

«Нет нужды составлять заранее проекты приходского устройства, - пишет в своем отзыве 1905-06гг. епископ Иннокентий (Беляев), - такие проекты должны быть составляемы на местах». Вторит ему и будущий патриарх Сергей: «Пусть сам приход перерабатывает существующие по местам формы в более совершенные». Эти мнения оставляют возможность каждому епископу вместе со своей приходской общиной, возглавляемой своим пресвитером, принимать устав, который соответствует типу и глубине живания в Предание составляющих общину членов и внешним условиям жизни как этой приходской общины, так и, вообще, церкви. При составлении приходского Устава 1917-18гг. такой взгляд не получил поддержки соборного большинства. Собор выработал единый Устав для всех приходов России, в содержании которого, к сожалению, остается много недоработанного и противоречивого. Но это не умаляет его значение. Почти сто лет спустя он по-прежнему остается в нашей церковной истории светлым маяком, пытавшимся через реформу приходского строя оживить каждого крещеного человека как члена церковного собрания.

Вопрос устройства прихода, устройства «малой Церкви», очень обширен и непрот, поскольку затрагивает саму жизнь Тела Христова. Здесь мы постарались лишь *притронуться* к одной из тем, касающихся этой жизни. Ведь понятно, что «Отзывы епархиальных архиереев», также как и другие документы по церковным вопросам того времени, выражают не только вышеизложенные взгляды на «приход» и на путь возрождения церкви. Тем не менее, весь ход мировой истории XXв. подтверждает именно их.

Думаю, что нам всем необходимо начать наконец всерьез размышлять над опытом, накопленным нашей церковью, и совершать усилия по воплощению всего того ценного, что в нем есть, тем более сегодня, когда церковь не испытывает внешних гонений. Можно с уверенностью сказать, что этот опыт был ею накоплен в течение последних ста лет: в отзывах иерархии 1905-06гг., в предсоборных и соборных дискуссиях 1917-18гг., в жизни пастырей-праведников рубежа XIX-XXвв., так же как и в богословско-исторических трудах XXв. по православной экклесиологии, и особенно - в опыте жизни и служения новомучеников и исповедников российских.

¹ О благоустройении прихода//Сводки отзывов. СПб., 1906. С.1.

² Там же.

³ См. Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной Думе. Roma., 1975.

⁴ Прошу понять правильно.

⁵ Подробнее см.: Белякова Е.В. Семинар по теме «Проблемы РПЦ». СФИ. 2003.

⁶ О благоустройении прихода. Указ. соч. С.15.

⁷ Журналы и протоколы. СПб., 1907. Т.3. С.301.

⁸ Церковные Ведомости. 1918г., №5.

⁹ См.: Шеметов Н.(псевд.), Бычков С. Православные братства//Вестник РХД. 1980. №131.

О САКРАЛЬНОСТИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Идея о сакральности царской власти и сегодня популярна в России. При том, что крушение веры в царя явилось одной из главных причин трагедии нашего отечества в XX веке. Поэтому тема магистерской работы Ольги Астаповой «Передневносточный контекст (Древний Египет и Месопотамия) библейских представлений о царственности», успешно защищенной 20 февраля в Свято-Филаретовском институте, актуальна и своевременна.

Рецензенты - известные специалисты: зав. сектором Ближнего Востока Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук О.И. Павлова и доцент РГГУ А.И. Шмайна-Великанова и другие авторы отзывов - единодушно отметили тщательность и фундаментальность исследования, которая, по замечанию О.И. Павловой, «увы, становится все более редким явлением при защитах диссертаций». О. Астапова изучила практически всю основную научную литературу по данному вопросу, прочла в европейских переводах главные тексты Месопотамии и Египта, имеющие отношение к теме, смогла сверить переводы многих древнееврейских, а изучив древнеегипетский язык, - и древнеегипетских текстов с оригиналами. Была отмечена самостоятельность и зрелость исследования.

До сегодняшнего дня в востоковедческой русскоязычной литературе отсутствовали исследования влияния передневносточных взглядов о царственности на место института царской власти в истории Израиля. По мнению рецензентов, автору удалось внести определенный вклад в разработку этой проблемы. Давно замечено амбивалентное отношение Библии к царской власти. С одной стороны, ветхозаветная теология не позволяет распространить на Израиль передневносточную модель священного царства: в жизни Израиля монархия являлась лишь одной из институций, далеко не центральной; в отличие от передневносточных монархов-космократоров, спасителей своих подданных, царь в Израиле не являлся фигурой ритуальной, действующей в сакрально-культурном пространстве. Но с другой стороны, сама идея неразрывной связи образов царя и спасителя была глубоко воспринята в среде народа Божия, что нашло выражение в формировании и развитии мессианских надежд. В работе О. Астаповой подробно исследован исторический и религиозный контекст идей о священном царе у народов древнего Переднего Востока - ближайших соседей Израиля в сравнении с радикально иными по существу взглядами Библии. Для христиан эта проблема имеет особое значение в связи с царственностью Иисуса, Чьи Царство и власть были не от мира сего.

В своем выступлении научный руководитель работы, д. ист. н., профессор МГИМО А.Б. Зубов отметил значение Свято-Филаретовского института как места реальной встречи серьезной науки и богословия:

«Я не очень могу себе представить, чтобы эта работа была защищена в РГГУ или МГУ не потому, что она недостаточно профессиональна, а потому что некоторые самые глубокие и самые важные моменты не были бы поняты в светской аудитории».

Решением ученого совета СФИ работа О. Астаповой была оценена на «отлично» и рекомендована к публикации в полном объеме. Работа будет издана институтом, а ее автор в следующем учебном году пополнит ряды его преподавателей.

ОН НЕ УМЕЩАЕТСЯ В НАШИ ОБЫЧНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Интервью с ректором СФИ, священником Георгием Кочетковым

Ки́фа: Вы много говорили о пророческом призвании и служении С.С. Аверинцева. Судьба почти любого пророка - быть отвергнутым при жизни, но, может быть, услышанным после смерти. К чему больше всего стоит прислушаться из его наследия сейчас?

Свящ. Георгий Кочетков: Это вопрос очень сложный. Дело в том, что это наследие ещё не собрано и целиком не осмыслено, и я не думаю, что скоро будет осмыслено - это самое главное.

Мне посчастливилось много лет, практически все последние пятнадцать лет жизни Сергея Сергеевича, с ним общаться непосредственно. Это не то, что можно назвать наследием, в том смысле, в каком это слово обычно употребляется, но я думаю, что именно в этом общении его можно было увидеть прежде всего как провозвестника правды - правды и духовной, и социальной, и научной.

Он один из тех немногих, кто сохранился почти как реликт чуть ли не начала XX века, когда высочайшие требования профессионализма сочетались с желанием осмыслить мир, осмыслить жизнь и задачи, - и свои, и своих друзей, и всего общества, и вообще всех сообществ, когда разработка любой темы выводила на все самые трудные, "вечные", "проклятые" вопросы. Это свойство, которое сегодня считается чуть ли не чертой модерна конца XIX - начала XX века, давно ушло, ведь это были: высшая эрудированность, высшая способность свободно использовать инструментарий любой эпохи и обострённое чувство каждой эпохи в ее уникальности, в ее самостоятельности, и в то же время в движении и многообразии.

Для Сергея Сергеевича всегда очень важным было отрицание того, что он называл модернизацией в мысли и в науке. Он вообще был человеком консервативным, почему, как мне кажется, мы с ним так легко и находили общий язык. Он всегда считал, что Традиция очень стоит того, чтобы ею заниматься всерьёз и долго, поэтому он никогда не любил быстрых и скоропалительных выводов.

Мне кажется, что он любил связывать те вещи, которые традиционно входят в современную культуру как вещи противоположающиеся друг другу или как вещи друг с другом не связанные или почти не связанные. Он любил искать общие корни тех вещей, которые как бы являются системообразующими и в области духа - в области веры, скажем, - и в области культуры, и в области науки, и в области социальной жизни и даже техники. Отсюда тот вселенский охват, тот духовный синтез, к которому Сергей Сергеевич очень стремился. Например, он пытался найти синтетическое, естественное развитие по линии Ветхий - Новый Завет, здесь он пытался объединить на базе фундаментальных духовных ценностей те традиции, которые, казалось бы, разошлись очень всерьёз и надолго, которые, может быть, выглядят в наше время как что-то вообще противоположное: возьмем те же иудаизм и христианство или монотеистические авраамистские религии и язычество Востока - индийского, китайского и т.д.

Вот эти свойства, эти качества мне кажутся драгоценными. Внутренняя наблюдательность, внимательность Аверинцева и в то же время иногда, наряду с нескоропалительностью в выводах, мгновенная реакция - это всё-таки редкость в наше время. Как и его какая-то доброкачественность, доброкачественность во всём, даже там, где, казалось бы, можно было бы достичь

цели со значительно меньшими затратами сил, времени, энергии. Можно ли удивляться тому, что, хотя он в течение сорока лет очень много работал, он не написал десятков томов?

Та тоска, та "нищета духовная", которая требовала от него постоянного поиска духа, постоянного поиска Бога и постоянного поиска человека - вот это то, что, на мой взгляд, и привело Сергея Сергеевича к тому духовному уровню, который я пытался для себя охарактеризовать такими словами: Сергей Сергеевич Аверинцев - это человек-слово, человек-знак и человек-эпоха. Он - знак, он - эпоха, он - слово. И мне кажется, этому и надо учиться, потому что таких людей сейчас во всём мире надо еще поискать днём с огнём.

Ки́фа: Что может значить для нашей церковной жизни, для нашей обще-

ственной жизни желание или, наоборот, нежелание, умение или, наоборот, неумение оказаться причастными этому опыту?

Свящ. Георгий Кочетков: Пройти мимо какого-либо подлинного, фундаментального опыта пророческого характера - это всегда значит предать Божью Правду и Божье Откровение и пройти мимо возможности Богопознания, т.е. всего того подлинного богатства, ради которого живёт человечество, живёт весь мир. К несчастью, так было, есть и будет всегда: пророков всегда старались не замечать, гнать, убивать, тех, кто живёт созерцанием Божьей Истины и Богопознанием, всегда старались извращать или замалчивать, прятать от народа или уничтожать, в их наследии всегда старались всё минимизировать, переводить на рельсы какого-то утилитарного мещанства. Так всегда старались поступать и с наследием Сергея Сергеевича Аверинцева. Но, к счастью, это не могло удасться пока он был жив, потому что он всегда всё медленно, но верно ставил на свои места.

Я верю в то, что он один из тех людей, которым наша церковь обязана своим адекватным, аутентичным существованием. И то, что официальная церковь на сегодняшний день не хочет слышать Сергея Сергеевича - я имею в виду некоторые её влиятельные структуры, - это беда для церкви. Когда "Радонеж" писал в ответ на попытку Сергея Сергеевича защитить нас от нападок, клеветы и гонений, про "ака-

демика С. С.", а на другую строку переносил "Аверинцева", было совершенно понятно, что они этим хотят сказать. Но ведь это - преступление, это - грех, за которым в нормальном случае должно было бы следовать то, что этот "Радонеж" надо было бы открыто назвать не просто нецерковным, а антицерковным. Если на пророка кто-то поднимает руку, он поднимает руку на Божье наследие, на Божью силу - и, таким образом, на Самого Бога. Что следует из таких грехов, мы хорошо знаем из истории ветхозаветной и новозаветной церкви.

Сергей Сергеевич Аверинцев для церковного народа больше, чем старец; он больше, чем учёный для интеллигентного и учёного мира; он больше, чем переводчик для любителей Слова Божьего и знатоков Священного писания. Он не умещается в наши

гея Сергеевича. Но я хотел бы видеть его замечательные переводы такими, чтобы я мог, нигде не чувствуя никакой "неловкости", читать эти тексты в церковном собрании. Я всегда представлял себе его переводы звучащими в церкви, я всегда старался в храме давать ему возможность проповеди, чтения или служения, и я видел, какое это имело значение для него самого. Он очень этого хотел, он этого жаждал - он хотел служить, несмотря ни на что, несмотря на все неблагоприятные моменты, какие были в церкви и в обществе, или в нём самом, или в нас.

Я очень рад тому, что в нашем большом братстве Сергея Сергеевича не просто приняли - его полюбили. И я думаю, что он так стремился в наше братство еще и потому, что он видел, насколько бескорытна эта любовь, насколько она естественна, в том числе со стороны тех людей, от которых, казалось бы, ему ждуть нечего, как и им от него. В нашем братстве, мне кажется, встретились снова и снова те люди, которые никогда бы не встретились, не живи они Христом и во Христе, не живи они в Церкви. Сергей Сергеевич был человек братский по духу и человек, чувствительный к общности и общине. Он очень быстро сам себя как бы определил в братстве - он просто сказал: я в вашем братстве. Братство - наше, и всё. И если ему приводилось спросить по телефону, когда он уже жил за границей: "ну, как у вас дела?", он тут же себя поправлял с осуждением, с гневом на себя и говорил: "как у нас дела".

Я благодарю Бога за то, что наше братство оказалось не глухо к тому, что он так открылся в своих стихах, в своих выступлениях, в своей жизни в нашем братстве. Да, мы очень плохо этим распорядились, ибо даже ни разу не устроили встречу с Сергеем Сергеевичем просто как с человеком, - не как с учёным, не как с богословом, философом или учителем, а именно как с человеком. Это был наш промах, наш провал, но всё равно его искренне полюбили, его искренне пытались понять, его искренне пытались читать и чтить.

Ки́фа: И это при том, что, как мне кажется, далеко не все члены братства понимали, как много значило для братства его заступничество.

Свящ. Георгий Кочетков: Конечно, многие этого не понимали, прежде всего потому, что об этом не знали. Ведь некоторые впервые услышали лишь на круглом столе, посвящённом десятилетия открытым гонениям на наше братство, о том, что он писал об этом и что говорил. И я думаю, что когда они это узнали, они, наверное, оценили и его смелость, и его доброту, и в то же время его благородство, почти что духовное рыцарство, которое всегда требует мужества в защите слабого. Он прекрасно понимал, что у нас нет никаких человеческих средств, которыми обычно пользуются для защиты своей чести, своего достоинства, своего имени, своего дела люди в этом мире. И вот он положил свой огромный авторитет - целиком и полностью, без всяких оглядок, - на эту защиту. Для него это было в каком-то смысле, наверное, не просто делом чести, а делом жизни. Он должен был еще раз себе доказать, что он может быть силен не только в слове, но и в деле. И это был тот самый случай, когда нужно было воевать чисто по-христиански, побеждая зло добром - добрым словом, словом Правды и Истины.

Беседовала
Александра КОЛЫМАГИНА

РЫЦАРЬ ХРИСТИАНСТВА

Интервью с Ольгой Сигизмундовной Поповой

"Кифа": Ольга Сигизмундовна, я понимаю, что это трудный вопрос, но все-таки: кем был Сергей Сергеевич Аверинцев для Церкви и для культуры?

О.С. Попова: Он - целое явление, конечно. Феномен. Несомненно, он был человеком не просто обширных, а, я бы сказала, феноменальных познаний. У него была совершенно исключительная память и совершенно исключительная широта эрудиции. Такой тип всеобъемлющего интеллекта, сверхэрудированного гуманитария - крайне редок, но все же бывает, эта особенность личности С.С. Аверинцева притягательна, но не исключительна. А вот что его очень сильно отличало от других - это редкий дар какого-то особого, глубинного восприятия явлений и событий, прошлых и современных, любых. Это могли быть факты из истории или из сегодняшней жизни. Он воспринимал сюжеты, факты, поступки не так, как чаще всего их воспринимают, улавливал их вторые, третьи и еще более глубинные смыслы, которые не видны. Его речь, о чем бы она ни велась, была всегда необыкновенно интересной. Он никогда не говорил и не толковал то, что всем видно, то, что лежит на поверхности, а уходил в перво-причину, в первоисточник. Он все воспринимал символично. Все было не только само по себе, но еще символом - знаком чего-то. Смысловая интерпретация, основанная совсем не только на интеллекте, но в большей мере на интуиции, встречается редко; она есть дар прозрения в не меньшей мере, чем дар размышления. Аверинцев всегда шел дальше факта, поэтому факты в его восприятии получали часто совершенно неожиданный ракурс и освещение.

Особенностью Сергея Аверинцева была способность, при всей его склонности к миру глубинных смысловых первопричин, выражать все необыкновенно просто и точно. В его мышлении и в его словесности была как будто математическая точность. Когда я говорю о значимости для него символических подтекстов, то не имею в виду ни малейшего оттенка какой-либо символической туманности; символы он делал, наоборот, пластически очевидными. Во всем, что он говорил или писал, всегда была ясность, классическая мера, скульптурная наглядность образов. Базовой основой его интеллекта была классика. Он и был филологом - классиком по образованию, хотя вышел за границы этой своей первичной профессии и ушел за ее пределы очень далеко.

Он не пошел по пути академической науки, хотя мог бы стать одним из самых значительных, если не сказать - великих гуманитарных ученых нашего времени; ему это было не нужно, может быть - даже скучно. Он был толкователем, интерпретатором, философом, причем с ярко выраженными психологическими и мировоззренческими приоритетами христианских ценностей. Богословские основы были главными. Глубинные смыслы вещей, событий, фактов, которые он вычерпывал из-под их поверхности - воспринималось им в специфически христианском ракурсе. Он был христианский философ. Но не менее важно, что он был воин, рыцарь христианства. Для него это были необходимые и достойные понятия - преданность, честь, долг - то, что сейчас размыто или даже вообще смыто. Он не только посещал церковь как верующий христианин, он служил Церкви как Ее верный рыцарь.

"Кифа": Ольга Александровна Седакова говорила, что для Сергея Сергеевича очень важно было не только исследование, но и стремление сообщить людям то, что ему открывалось. Она рассказывала, что как-то они стояли с ним на улице Горького, и он сказал, показывая на толпу прохожих: у меня есть желание все сказать вот им.

О.С. Попова. Да, он в этом отношении был человек очень общественный, публичный. У него была жажда проповеди и дар проповеди. Он читал лекции в Московском Университете, курс антич-

ной эстетики, потом византийской эстетики, и потом - западно-европейской средневековой эстетики. Эти его лекции собирали огромные аудитории, на них приходила вся Москва. Спецкурс не ограничивают во времени, и это было не по два часа, как академическая лекция, а по четыре и больше. Под эти лекции отводился самый большой зал - поточная аудитория в старом здании истфака МГУ на тогдашней улице Герцена, д.6. Потом эти лекции запретили. Декан исторического факультета, которому, видимо, кто-то донес, что на факультете происходит нечто сомнительное или даже опасное - народ собирается в большом количестве и разговоры ведутся о религии, - велел заведующему кафедрой истории искусств, В.Н. Лазареву, разрешившему курсы лекций С.С. Аверинцева, все это немедленно прекратить. Я помню, как мы с Сергеем были у Виктора Никитича, и он сказал: очень печально, но я должен выступить как жандарм города Москвы, который вынужден был запретить Грановскому чтение лекций в Московском университете, потому что жандарму так велели. Мне тоже велели, чтобы ваши лекции, Сережа, больше не читались бы в МГУ. Мне очень жаль... Однако три года С.С. Аверинцев все-таки получил, и в течение трех лет он прочел три разных курса.

"Кифа": С великими людьми обычно трудно находиться рядом. Скажите, с ним нелегко было дружить?

О.С. Попова: Да ничего проще на свете не было. Он в дружбе был трогательным и сердечным человеком. Вникал в подробности и трудности нашей жизни, принимал, как мог, в них участие. На самом деле я до сих пор плохо понимаю, что он умер, то есть я усвоила, конечно, этот факт, однако скорее умозрительно, чем по реальному ощущению. Голос его слышу... Вы знаете его стихотворение "Молитва о последнем часе"? Он все как будто предвидел. Это стихотворение звучит как пророчество. Исполнилось абсолютно все, что он там написал. Построчно. У него было отнято все - движение, память, речь, сознание. Хочется верить, что прошение его было исполнено и что с ним в последний его час были Божья Сила, Божье Имя, Божье Слово, Бог. С Вашего позволения, я приведу это стихотворение:

*когда Смерть посмеется надо мною как та что смеется последней и сустав обессилит за суставом
Твоя да будет со мною Сила
когда мысль в безмыслии утонет когда воля себя потеряет когда я имя мое позабуду*

*Твое да будет со мною Имя
когда речам скончанье настанет и язык глаголавший много замолчит в бессловесности гроба
Твое да будет со мною Слово
когда всё минет что мнилось сновидиу наяву снилось и срам небытия обнажится
пустоту мою исполни Тобою (1993)*

[перепечатано из некролога по С.С. Аверинцеву, написанного А. Кырлежвым, А. Морозовым, А. Щипковым, Религия и СМИ. Справочно-информационный портал (religare.ru)]

ТИХОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Слово протопресвитера Виталия Борового

Я явился сюда, как свидетель. Вы все можете о Сергее Сергеевиче Аверинцеве говорить много, исчерпывающе, как о вашем самом близком сердечном друге, покровителе, защитнике вашего дела. Я, может быть, права такого не имею, но хочу сказать одно, свое: вот мы сейчас молились о его упокоении, но в сущности говоря, Сергей Сергеевич - это мое мнение я сейчас говорю - не нуждается в наших молитвах. В любви, почитании, поклонении и памяти - всегда, до второго пришествия Христа нуждается. Но, в сущности говоря, это мы нуждаемся в его молитве, потому что неизвестно, где мы будем после нашей смерти, видя нашу греховную жизнь. А вот о нем надо свидетельствовать, что он не только у Господа, но он, собственно говоря, по канонам древней церкви первых веков - святой!

Древняя церковь прославляла исповедников Христа, а Сергея Сергеевича все мы знаем именно как исповедника, хотя он был человек тихий, спокойный, скромный, избегающий всякой гласности и какого-то самовозвеличения. Он производил впечатление такого боязливый, неинициативный, но когда пришло время свидетельствовать о Христе, он нашел для этого мужество. В 1970-м году в пятом томе философской энциклопедии статья Аверинцева "Христианство" была написана не в официальном духе, не в том духе, в котором мог бы написать член-корреспондент Академии Наук, известный ученый, философ, поэт и т.д. - нет! Не официальная точка зрения на христианство там была отражена. Было много ученых-христиан, верующих, но молчаливых, хранящих свою веру в душе. Потому что иначе верхи, власти, партия реагировали бы на это резко. Он, несмелый, казалось бы, нашел в себе мужество написать эту статью как древние апологеты. Он показал христианство как истинную веру, как настоящее Божественное явление, он открыл свою веру. Это был громадный скандал. И я должен сказать, что наша церковь сейчас канонизировала, объявила святыми пат-

риархов, митрополитов, архиепископов, епископов, иерархов, священников, мучеников, но не упомянула, что в тюрьмах, в расстрелах, в гулагах погибли сотни тысяч, если не миллионы, простых верующих людей, которые не исповедовали Христа открыто, но веровали и попали под преследование и умирали от голода в гулагах и в тюрьмах. Так вот, в числе этих мирян первое место должен занять сейчас Сергей Сергеевич как исповедник христианства и апологет христианства во время преследований христианства в советское время. И в этом я уверен. Я не имею права от имени Церкви говорить, но я как верующий, богослов и историк в душе знаю, что конечно, мы будем молиться о нем и помнить его всегда, до нашей смерти, но это он за нас может молить Бога, потому что он - настоящий святой и апологет, мужественный христианский исповедник, несмотря на всю свою скромность и боязливость. И поэтому ему больше, чем вечная память. Он - настоящий святой. Простите меня.

С ЕГО УХОДОМ КОНЧИЛСЯ
XX ВЕК

Слово игумена Иннокентия (Павлова)

Конечно, среди нас есть люди, которые гораздо дольше и гораздо ближе знали Сергея Сергеевича, чем я, но о. Гергий попросил меня сказать несколько слов, и я скажу их больше, может быть, как историк, хотя и как человек, имевший счастье лично знать Сергея Сергеевича. Каждая встреча с ним - их было, я думаю, чуть больше десятка - она запомнилась, то есть для меня это были события.

Его труды, будь то работы по античной литературе, по патристике, по библеистике, его переводы и, наконец, его поэзия, которая еще, я думаю, будет по достоинству оценена, неразрывно связаны с его личностью. Бывает так, что человек отдельно, а его произведения сами по себе, то есть он в них, может быть, мало присутствует. А он именно живет в своих произведениях.

И - уже как историк - я хочу вам сказать, что календарный век - он не совпадает с веком историческим, касается ли это политики, касается ли это жизни отдельной страны, касается ли это жизни церкви... И я сейчас ловлю себя на том, что, по-человечески рассуждая, с безвременной кончиной Сергея Сергеевича для нас закончился XX век российской церковной истории, потому что он именно с этим веком был связан, и живя в этом веке, он всегда был самим собой, и в своей жизни, и в своем исповедании веры, и в своем творчестве. Он родился в 37-м году, трагическом году нашей истории. Свое образование в уни-

верситете он закончил в 61-м году - для кого-то это была хрущевская "оттепель", а для церкви это были довольно крепкие "заморозки". Расцвет его творчества пришелся на время, которое потом назовут застоєм, хотя, может быть, где-то это был застой, но только не в жизни духовной, не в сфере отечественных гуманитарных наук и, честно говоря, какой-нибудь Журнал Московской патриархии или какие-нибудь даже научные журналы в те годы читать было интереснее, чем то, что мы читаем теперь - я должен искренне вам сказать. И он действительно был самим собой, каждое его произведение ждали, каждое его выступление ждали - это действительно было исповедание веры для тех, кто понимал, и все это воспринималось, как глоток воздуха, как живое слово.

Но, что самое важное, среди тех испытаний, или, высокостильно говоря, искушений, которые нас постигли уже в последующие годы, в 90-е и далее, он также остался самим собой и сохранил свою церковную позицию: он остался с вами, и это тоже факт церковной истории. И чему мы должны поучиться на примере жизненного подвига Сергея Сергеевича - мы должны оставаться теми, кем мы призваны быть, как он остался верен своему призванию. И продолжать то дело, которое он делал, - прежде всего, новые библейские переводы, литургические переводы и научное творчество как выражение церковной позиции, как исповедание веры.

О ПОДВИГЕ ОБЩЕНИЯ

В издательстве "Паломник" в этом году вышла книга "Я возлюбил вас... Архиепископ Пражский Сергей (Королев). Автобиография. Свидетельства современников. Духовное наследие".

Архиепископ Пражский Сергей (Королев) (1881-1952) - выдающийся пастырь русского зарубежья. В 1922 в связи с вопросом об автокефалии Польской Церкви он был насильно вывезен поляками за пределы государства. Оказавшись в Чехии, был назначен настоятелем храма в Праге «для обслуживания нужд русских людей». В течение двадцати пяти лет служил в Праге в храме Св. Николая и в Успенской церкви на Ольшанском кладбище. В 40-е годы он вернулся в Россию, в Казань, где и прослужил до своей кончины.

Архиепископ Сергей стал центром духовной жизни в Праге тех времен. К нему тянулись все: приезжающие из России и проезжающие в другие страны. Он сумел сплотить и объединить в единую семью очень разных людей - знатных и незнатных, ученых и неученых, бедных и богатых, "правых" и "левых". Вся церковная политика владыки сводилась к непрерывному личному обще-

нию с верующими и равнодушными. Он обладал потрясающим даром - исключительной доброжелательностью в отношении любого человека, попавшего в круг его внимания. Эта доброжелательность сочеталась с пронзительностью и готовностью оказать пастырскую поддержку тем, кто в ней нуждался.

Он жил необычайно просто - в одной комнатке у старушки-чешки. По четвергам устраивал чай с "братом Самоварием", на который всегда собиралось множество людей разного образования, положения и возраста, и сам поил всех чаем. Угощение владыка готовил тоже сам: варил варенье, солил грибы, мариновал рыбу. На базар ходил с огромным черным мешком, в котором всегда были гостинцы для детей и многое другое, иногда даже кипящий самовар, с которым он приходил в гости в то непростое время. Владыка непрерывно ходил по приходу - сам узнавал о том, кто болен, и посещал больных, в том числе неверующих членов семей своих прихожан, соборвал и напутствовал умирающих, принимал ближайшее участие в радости своих духовных детей (крестинах, венчаниях, именинах, успехах в

учении, получении ученых степеней).

Владыка Сергей был низкого роста, нескладного сложения, с огромной головой, длинной бородой и сияющими глазами. Улыбался всем, любил смеяться и дружески шутить, никогда никого не задевая. Он совершенно преображался во время богослужения, приобретал благородный и величественный вид. Запоминалась его манера читать молитвы, возвышенность богослужения, он был хорошим исповедником.

Он был воистину "скор на ногу" и "легок на руку", "милостив сердцем, ясен разумом и горяч верою". В нем был "огонь веселый", как писал о нем П.Н. Савицкий, ученый, думая о нем на лесоповалах концентрационного лагеря в Мордовии.

По словам одной из его духовных дочерей, «несмотря на простоту обращения, его речь, подчас шутливую, было в нем что-то неизъяснимое, влекущее к нему все сердца, как ореол строгой святости, зримой лишь внутренним оком. Хотелось сесть у его ног и без конца слушать его тихую речь».

Сегодня мы публикуем выдержки из некоторых его поведений.

"Мы все ждем радостей извне, а того, что есть в нас самих, не замечаем. Мы потому и окутаны тьмой - и внутри, и вовне. В наших сердцах лежит тьма греховная, и мы придаем не то значение вещам, какое надо. Мы запутываемся в мелочах, устаем в суете, дела не делаем, а друг с другом ссоримся. Так идет день за днем, и данный момент жизни уходит без того содержания, которым мы могли бы наполнить нашу жизнь, если бы прежде всего искали друг в друге общее нам, божеское".

"Мы плохие купцы. Мы дешево ценим свою душу. А ведь нет ничего ценнее души. Мы покупаем только то, что не имеет никакой цены в вечности, а то, что идет в вечность, мы не приобретаем. Это происходит оттого, что у нас все перепутано, все ценности нарушены; грех затуманил нам истинное положение вещей. Когда мы ощутим реально всю ложность и неправильность нашей жизни, тогда будет происходить подлинный купля. Человек при свете Божиим начнет разбираться в путанице нашей жизни и стремиться к добру и вечному".

"Мы должны научиться извлекать ценности своей души через близость к тем людям, с которыми нас поставил в жизни Господь. Мы вообще соединены различными нитями друг с другом - и нам надо через эти нити создавать общность и единство нашей жизни. Наша задача в жизни может быть сформулирована как искание общности в жизни с теми людьми, с которыми мы связаны. Единение между людьми есть нить, переброшенная от земли к небу, к Богу"...

"Господь прижимает нас друг к другу. Как, например, в

изгнании, а мы не сближаемся, не ищем божеского друг в друге, а только все время ссоримся и отдаляемся друг от друга. Мы не раскрываем своего капитала, тогда как этот капитал, раскрытый через общение, своим единством может приблизиться к единству ума, воли и чувства. Это - клад душевный, обретение которого прекратило бы наше разделение. Найдя этот клад, мы можем черпать из него силы для жизни. Если мы этого не сделаем, Господь посечет нас, как смоковницу бесплодную."

"В каждом сердце надо искать клад. Клады ищут часто, но не душевные, а надо искать душевный клад. Могут спросить, зачем. Чтобы обогатиться. Мы видим в людях только внешнее и не замечаем клада, лежащего в каждом, не ищем этого клада. Надо искать клад сердца: этот клад есть источник блага. Но как это сделать? Для этого нужны напряжение и труд. Без труда, говорят, и рыбку не вынешь из пруда. Если и великие таланты, получив дар от Бога, должны трудиться, чтобы был соответствующий плод, то тем более это верно для обыкновенных людей".

"Подходя к человеку, будем вглядываться в его сердце, которое есть центр человека. Человек, побеждая грех в себе, открывает этим лучшие стороны своей души, чем он в то же время вскрывает и в другом человеке клад, о существовании которого тот сам даже и не подозревал. При грехе человек как бы боится другого человека, не ступает радостно по земле. Он думает про себя, как бы ему не встретиться с тем или иным человеком. ... Побеждая же грех, человек подходит легко к дру-

гому человеку и заражает его добром."

"Когда мы пребываем в добром общении с людьми, мы освещаемся искорками света, уносим с собой что-то невидимое, с чем и живем. Господь посылает нас в мир, чтобы выявить свои богатства. Если по крупинкам соберем открытое нам добро и свет, то и это уже будет много. Если будем собирать крупинки света, то в этой атмосфере пропитаемся и сами светом, и тогда произойдет вспыхивание нашего окаменелого сердца. Отыскивание этого света и есть процесс искания, так как это уже есть момент духовного просветления: красота искомого тогда наполняет красоту нашу душу. ..."

"Каждый человек имеет свою миссию, свое посланничество на земле, какую-то красоту, чем он должен послужить миру, вложить свою индивидуальную крупинку в организм всего мира. Каждая душа индивидуальна. Индивидуальное бытие, отсеченное от греха и раскрытое в полноте подлинной жизни, является вкладом в сокровищницу всего мира."

"Каждый человек духовно неповторим, ... если его духовное богатство не будет выявлено, это будет смерть духовная, исчезновение света Божия в данной точке бытия. Поэтому каждый должен заботиться о своем духовном мире, чтобы дать свету Божию в нем засиять, а не исчезнуть. Отчего не хотим мы, как бы медлим, использовать свои силы, которые находятся в нас? Через борьбу с грехом в нас мы освобождаем начало добра в себе и этим можем творить новую жизнь, сокращая зло на земле, сокращая

прежде всего зло в самих себе..."

"Каждому даны свои таланты. Каждого Господь спросит: "Почему ты не сделал того, что должен был сделать?". Задача каждого в своей жизни раскрыть и умножить талант, данный ему Богом. Обычно говорят: "У меня нет никаких талантов", имея в виду талант ученых, художников, общественных деятелей... Но гораздо важнее таланты сердца, которыми Господь наделил каждого человека, как, например, приветливость, чуткость, сострадательность. Раскрытие этих талантов, как природных качеств нашей души, в наших руках; эти наши таланты, конечно, раскрываются через живое общение с людьми".

"Важно, чтобы каждый день не ушел пустым в вечность, и нельзя довольствоваться механическим течением нашей жизни. Надо находить в каждодневной жизни ценности. Каждый день нам дан для извлечения хотя бы минимума того блага, той радости, которая пойдет вместе с нами в будущую жизнь. Чтобы извлекать ценности из нашего дня, надо творчески относиться к каждому моменту своей жизни. Творчеством мы можем преодолевать нашу инертность, высвободиться из тьмы страстей, нас одержавших..."

"Темные состояния загораживают подлинную перспективу в жизни, ее подлинное восприятие. С божественным светом, как с фонариком, идет человек и освещает свой путь, и тогда повсюду в других людях видит он тот же свет. ... При Божием свете мы внут-

ренней обращенностью к Богу собираем из хаоса света и тьмы разбросанные точки света в один фокус и этим не только светим сами, но вызываем к действию свет в других людях."

"Мы можем претворить нашу серую жизнь в новое бытие, если будем останавливать свое внимание на благой мысли. Благой мысль, как импульс нашей жизни, будет двигать нашу волю к преодолению зла, творить новую жизнь и осветлять нам жизненный путь".

"Именоваться себя христианином значит выйти из состояния зла и инерции, проявить творческие способности. Нужно распространять мнение, что христианство не пассивно, а, напротив, ведет весьма активную борьбу с грехом. Христианство не что-то отторгнутое и бесконечно отдаленное, а, напротив, вполне осуществимое здесь, на земле. Христианская религия не религия горя и страданий, а, наоборот, религия радости и благополучия."

"Апостол Павел говорит: "Всегда радуйтесь" (1Фес. 5,16). А в действительности радоваться мы можем только тогда, когда преодолеем в себе состояние греховности, ибо только преодоление греха может принести душе радость, которая есть начало блаженства; о нем апостол Павел сказал: "Чего око не видело и ухо не слышало, то Бог уготовал любящим Его" (1 Кор 2,9)."

Материал подготовила
Ирина ВОЛКОВА

НИКАКИЕ ВЗРЫВЫ НАМ УГРОЖАТЬ НЕ БУДУТ

Интервью с ректором СФИ, священником Георгием Кочетковым

«Кифа»: *Общественно-экономическая ситуация сейчас чем-то похожа на ту, что была в России в начале XX в. Кучка олигархов, множество люмпенов и почти полное отсутствие среднего класса. Чего в связи с этим можно ожидать и не случится ли с нами новый 17-й год?*

Свящ. Георгий Кочетков: Ну, я не думаю, что сейчас ситуация очень близка к той. С одной стороны, она значительно хуже, с другой же - она просто другая. Хуже потому, что страна сильно разорена и народ очень подорван - в нём почти нет силы. Русский народ в начале XX века имел собственную силу, а сейчас я этой силы не вижу. Поэтому сейчас мы можем, скорее, ожидать неприятностей от наших периферийных народов, у которых, безусловно, осталось больше энергии, ведь в силу их малочисленности и национальной ограниченности они вынуждены были в советское время или вымирать, как народы Севера, или как-то все-таки стараться сохранять себя.

В каком-то же смысле ситуация вообще другая, потому что сейчас, в период глобализации, Россия в большой степени уже завязана на мировые процессы, хотим мы того или не хотим. Хотя все-таки мир еще не определился, нужна ему Россия или не нужна, как и сама Россия еще не определилась, нужен ей весь мир или не нужен. И это, может быть, сейчас самое главное - определиться. На мой взгляд, всем нам важно понять, что все друг другу нужны и что судьба одних зависит от других. И это, конечно, принципиально. Если мы это поймём, то никакие взрывы нам угрожать не будут, несмотря даже на какие-то возможные ухудшения внешне- или внутривнутриполитической ситуации.

«Кифа»: *Вы неоднократно говорили, что общее положение в нашем обществе в настоящее время политически стабильно. С чем это связано?*

Свящ. Георгий Кочетков: Нет, я говорил, что последние годы идут процессы стабилизации. Это совсем не значит, что ситуация уже стабильна. Она как раз скорее внутренне может сползти к какой-то коммунистической модели, и в этом смысле, конечно, не улучшится. Но она стабилизируется в том смысле, что она становится более прогнозируемой и иногда даже просто экстраполируемой. Она иногда ставит более рациональные задачи, более утилитарного свойства.

Конечно, есть опасность в возрастании того идеологизма, который пытается снова господствовать над экономической и над человеческими отношениями. Вот это опасно. Опасно также сползти в сторону государственной религии. Сейчас сами власти хотят, чтобы церковь стала государственной. Даже церковь не настолько, может быть, хочет этого, как того хочет власть. Это хорошо ни для церкви, ни для государства, я в этом глубоко убеждён. Понятно, что церкви это опять грозит "сладким рабством", а государству - новой мертвящей все и всех идеологизацией. Тогда это опять давление на своих граждан, опять некая идеологическая и политическая моноструктура и моносистема, опять возвращение к однопартийной системе и фактически упразднение здесь всякой конкуренции, что не сможет не сказаться ни на умах человеческих, ни на сердцах человеческих, ни на экономике. Поэтому, хотя стабилизация и идёт, но сказать, что это уже и есть стабильность, мне кажется, нельзя.

«Кифа»: *Вы говорите, что не очень хорошо и для церкви, и для государства, если православие станет государственной религией. А каковы альтернативы?*

Свящ. Георгий Кочетков: Альтернативы? - Как можно большая самостоятельность церкви и как можно большая её внутренняя готовность к выживанию в любых условиях. Церковь должна быть и конкурентноспособной - простите за нецерковное выражение. Она должна быть миссионерской, она должна быть исполнена духом и смыслом, ведь в этом её сила. Она, в конце концов, должна научиться жить своей верой, надеждой и любовью. Вот когда эти вещи отступают, тогда мы имеем явное поражение церкви, сколько бы храмов ни открывалось, какая бы собственность церкви ни отдавалась и даже, может быть, сколько бы народу ни посещало храмы.

«Кифа»: *Каким с этой точки зрения может быть конструктивный ответ на давление других культур или, скажем, вот такого даже не атеистического, а агрессивно антихристианского сознания, которое проявилось в той же выставке "Осторожно, религия!"*

Свящ. Георгий Кочетков: Только через творчество, только через свободу духа, через свободу мысли, через свободу слова, то есть через тот творческий потенциал, который должен распространяться и на общественную деятельность, и на социальную структуру - буквально на все сферы, даже самые маргинальные по отношению к Церкви, в том числе политические.

Беседовала
Александра КОЛЫМАГИНА

Как говорить о проблемах общественно-политической жизни, не впадая ни в нарочито-отстраненный тон аналитика, ни в страстную ангажированность участника политических баталий? Как отдать кесарю - кесарево, избегнув и ловушек «симфонии», и отчуждения секуляризации?

Это вопрос, который рано или поздно встает перед каждым, кто всерьез решает жить церковной жизнью, не собираясь делать из нее удобную и приятную «духовную норку», но оставаясь всерьез ответственным за все, что происходит вокруг.

Именно поэтому мы вновь предпринимаем попытку говорить на страницах «Кифы» о политике, надеясь, что все вместе мы, каковы бы ни были наши политические взгляды и симпатии (а они, наверное, могут быть очень разными), сумеем нащупать тот «средний путь», ту меру и мир, которые одни только и могут поставить «царство кесаря» в его настоящий, подлинный контекст.

Мы надеемся, что и дальше разные авторы «Кифы» будут обращаться, стараясь в своем отношении к проблемам государства и общества быть не просто гражданами, не только частными лицами, но и жителями Небесного града, стремящимися поделиться его светом и радостью с другими.

КАК ОТВЕТИТЬ НА ОСКОРБЛЕНИЕ?

Обзор откликов прессы на скандал вокруг выставки "Осторожно, религия!"

В январе 2003 года в центре имени Сахарова прошла выставка художников-концептуалистов "Осторожно, религия!". 39 художников решили представить свой художественный взгляд на место Русской православной церкви в нынешнем обществе. При этом выставка имела явно провокационный характер. К примеру, среди экспонатов были икона Спасителя на фоне рекламы "Coca-Cola" с надписью "Сие есть кровь моя", фигура святого с вырезанным лицом, куда каждый желающий мог подставить голову, плакат с фотографией обнаженной путаны, распятой на кресте, изображение православного креста с развешенной на нем гирляндой сосисок и тому подобные "творческие находки".

18 января в здание музея ворвались шесть человек, которые устроили в выставочном зале погром: резали полотна, обливали краской инсталляции. Двоих задержали. Они оказались членами комитета "За нравственное возрождение Отечества", которым руководит протоиерей Александр Шаргунов. Тут же возбудили уголовное дело, однако вскоре его прекратили и открыли другое - уже против организаторов самой выставки.

После погрома в прессе и в обществе разгорелась оживленная полемика по вопросу о корректности проведения подобных выставок и о допустимости силовых методов, примененных группой верующих. Не стихла эта полемика и через год, тем более что организаторам выставки предъявлено обвинение в разжигании межрелигиозной розни.

По мнению газеты "Московский комсомолец" (М. Овсова, "Жертвам погрома грозит по пять лет тюрьмы", №2, 2004), "при попустительстве властей одна из религиозных конфессий (по крайней мере, ее самые радикальные представи-

тели) начинает диктовать условия всемирному светскому обществу. И самое главное из условий - Русская православная церковь и ее символы должны оставаться вне критики. Более того, во всем этом настораживает факт, что ни та же церковь, ни власть не осудили погром, тем самым провоцируя радикально настроенных верующих на подобные действия в дальнейшем. А так недалеко и до инквизиции, которую все помнят по курсу средневековой истории".

"Московские новости" (Д. Пушкар, "Потерпевший стал обвиняемым", № 48, 2003), защищая устроителей выставки, приводят высказывание руководителя Сахаровского центра Ю.В. Самодурова: "Идея выставки в том, что, с одной стороны, нельзя позволить религиозным институтам вести себя агрессивно и превращать божье имя в бренд, а с другой - что надо внимательно и осторожно относиться к вере людей".

Константин Кедров в газете "Русский курьер" (20. 01. 2004) признается: "Лично я, как человек, верующий в Бога, далеко не уверен, что выставка в Музее Сахарова - шедевр изящества и вкуса. Она груба, тенденциозна и пошловата. Но это уже дело посетителей и искусствоведов - судить о качестве выставки и ее экспонатов..."

На самом деле никто бы и не узнал об этой выставке, если бы не ворвались в музей воинствующие раскольничьи и не привлекли тем самым к ней внимание, которого, честно говоря, эта экспозиция вряд ли достойна".

"Любить или не любить религию - это личное дело каждого. А вот крушить или не крушить музейную экспозицию - это дело уже не личное, а уголовное", - замечает критик.

С ним солидаризируется Марина Колдобская, обозреватель еженедельни-

ка "Новое время" ("Неосторожное обращение с религией", 08. 02. 2004): "Наверное, для правоверных христиан эти произведения неприятны. Но мы, согласно Конституции, живем в свободной стране. Художники полагают, что у них есть право на высказывание. А высказаться хотелось, поскольку национал-консервативное православие в качестве новой официальной доктрины многих нервирует".

С подобными заявлениями решительно не согласен известный журналист Максим Соколов. На сайте Globalrus.ru он утверждает: "Если так сложилось, что уже не одно десятилетие мэйнстрим так называемого "современного искусства" сводится к тому, чтобы как можно более эффективно нагадить в как можно менее подходящем для таких отпратлений месте, то это уже вопрос не столько к инквизиции (что бы под таковой ни разумелось), сколько к деятелям современного искусства, установившим в качестве творческого канона, что действия, именуемые ими творческими и художественными, обязательно должны иметь касательство к уголовному кодексу - а иначе это не искусство".

Возражения, что православным просто не надо было ходить на эту выставку, критик парирует так: "Выставка "Осторожно, религия!" была попыткой соединить два принципиально различных права - право обратиться к обществу с публичным посланием и право в приватном порядке делать что угодно. Если Ю.В. Самодуров желал быть водителем эзотерического сообщества, вольного предаваться кощунствам - нет проблем, только тогда нужно отсутствие рекламы, фейс-контроль и "оглашенные, изыдите!". Если он желал воспользоваться преимуществами публичности, он дол-

жен был понимать, что за эти преимущества платят минимальным уровнем лояльности к обществу".

В заключение статьи Соколов пишет: "Мы стоим перед выбором: или общество само уйдет разнудавшихся бесноватых, или их станет обуздывать государство, а уж оно наобуздает. И чем больше мы будем усердствовать в либеральном заступничестве по поводу мерзости перед Господом, тем вернее мы придем к наихудшему способу искоренения мерзости".

Борис Колымагин в статье "ОСТОРОЖНО, РЕЛИГИЯ или Кнутом Россию не объять" на сайте Портал-Кредо приводит мнение директора Зверевского центра современного искусства Алексея Сосны о том, что "нормальной реакцией христианина на кощунственные явления ... была бы сугубая молитва за заблудших и публичная улыбка над их произведениями". Кроме того, замечает автор статьи, "Церкви просто необходимо формировать нужное ей общественное мнение с помощью компетентных арт-критиков. И это мнение будет куда более действенным, чем бравые налеты". По мысли автора, разгром выставки дал политтехнологам еще один - художественный - ресурс влияния на отношения церкви и государства: "При смене конъюнктуры у политических игроков теперь всегда будет удобный и, главное, легко просчитываемый вариант: скандальная выставка - неадекватная реакция "православной общественности" - позиционирование церкви в качестве Великого Инквизитора во всех доступных СМИ. Попридержи свящ. Александр Шаргунов своих хлопцев - и поле для подобных игр явно бы сузилось".

Обзор подготовили
Александра и Борис КОЛЫМАГИНЫ

О "НЕЗАМЕТНЫХ" ГРЕХАХ...

"Кифа": Как Вы относитесь к созданию братства "Трезвение"?

- Я не очень понимал цель, задачи, средства этого братства, до тех пор, пока не побывал на первой его встрече. В последнее время я начал трудиться над преодолением своих грехов гораздо более серьезно, чем занимался этим раньше, и понимаю, что братство такое очень нужно. Количество и глубина проблем, которые призвано решать это братство, изначально большие, и не всем людям во время вхождения в церковь удается справиться с ними. Наркотики, водка, курение - это те вещи, которые приняты в современном обществе и далеко не всегда считаются зазорными. Такие "незаметные" грехи, как курение, для людей моего поколения - от 40 до 50 - вообще считаются "делом чести". Все люди, на которых мы воспитывались, - Александр Галич, Юрий Визбор - курили, Толкиен, Льюис. Даже мать Мария - но об этом говорить не будем. Все это овеяно ореолом романтизма, любое интервью с тем же Бродским сопровождалось сигаретами, ну и т.д. и т.п. Но это я немного увлекся, я сейчас о другом хочу сказать. Хочу сказать о том, что братство, если оно будет строиться как братство - это огромный труд. Потому что люди действительно боятся, стесняются, не хотят открываться, потому что это вещи довольно-таки интимные и довольно болезненные для людей. Но если удастся создать дух братства, дух ответственности друг за друга, дух взаимопомощи, дух молитвенного созидания, если хотите, - то это будет огромное дело, которое мне сейчас сердцем трудно охватить, хотя разумом я начинаю что-то понимать.

Мне как человеку курящему претит, чтобы меня сейчас толпой повели давать обеты. Да не буду я давать никакие обеты, не хочу я врать Богу, потому что я к этому не готов. Но та концепция, которую озвучил о. Георгий, и те глаза людей, которые я видел, мне говорят о том, что здесь хватит, конечно, и его духовного опыта, и пастырской мудрости. Он говорил о вещах крайне трудных для людей зависимых, но он так об этом говорил, что люди начинали верить. Конечно, мы можем своими личными грехами, своими немощами это испортить - и не вернем. Нам надо относиться к этому трезвенно, спокойно и точно понимать, что с этой бедой, нашей общей бедой, мы совместно, по-братски должны бороться.

Четыре интервью, размещенные на этой странице, не случайно анонимны. Правда, эта анонимность почти не связана со «спецификой темы», и никаких «страшных, но откровенных признаний» в них нет, хотя, как справедливо замечает один из авторов, дело касается вешей тонких и болезненных, вешей, которых принято (во всяком случае, в церкви) стыдиться.

И все-таки главным для нас при решении об образе их обнародования оказался более чем неожиданный факт - три человека из случайно

выбранных четырех представили, не сговариваясь, три категории предполагаемых членов братства, проект концепции которого мы сегодня публикуем.

«Кифа»: Есть ли у Вас какое-то личное отношение к идее создания братства "Трезвение"?

- Я, к сожалению, не был на первой его встрече. Но я отношусь к этому очень, очень положительно, это, действительно, чрезвычайно важная вещь, потому что у нас огромное количество людей страдает, главным образом, через своих близких. Нам нужно правильно себя вести со своими близкими, которые страдают от этого недуга, по-христиански. А люди теряются перед этой бедой, они не знают, как быть. Возможность привести к Богу ближних, преодолеть свое бессилие, незнание, что нам делать, когда рядом беда и люди страдают, - вот если это нам удастся с места сдвинуть, если братство в этом окажет помощь, то это будет большое дело.

"Кифа": Скажите, пожалуйста, участвовали ли Вы во встрече братства "Трезвение" и как Вы относитесь к идее создания такого братства?

- Да, участвовала, и очень рада, что эта встреча состоялась. Какое-то время назад был об этом разговор, а потом замолчали, и меня очень беспокоило, что мы молчим. Я знаю очень хороших людей в братстве или алкогольно зависимых, или курящих, и я очень хотела бы им помогать.

"Кифа": То, что говорилось на встрече, отвечало Вашим ожиданиям или что-то было достаточно неожиданным?

- И то, и другое. Что-то было из того, что я ожидала, из того, что хотела, о чем мечтала и о чем боялась сказать, скажем так. Я много молюсь и думаю о том, о чем не было сказано, - об устройстве этого братства, о его структуре, как было бы лучше помогать, как выстроить отношения друг с другом. Мне кажется, в этом братстве должны быть строгие отношения, серьезные к себе и очень милосердные друг к другу, должен быть максимум милосердия к другому.

"Кифа": Не могли бы Вы поделиться своими впечатлениями, дать оценку каким-то перспективам этого братства? Что во время первой встречи было для Вас неожиданным?

- Неожиданным, естественно, явилось количество православных, которые на эту встречу собрались. По листу регистрации там было порядка 240 человек - этого, конечно, никто не ожидал, думали, что соберется человек сорок, пятьдесят. Неожиданным явился подход, который оказался серьезнее, чем я ожидал, разговор о том, что к таким вещам, как обеты, нужно относиться серьезнее. Обычно, действительно, с этого начинают, как я слышал. А здесь говорилось о подготовке к этим обетам. И еще мне показалось очень важным то, что это все-таки некая возможная альтернатива опыту "Анонимных алкоголиков". А эта альтернатива нужна православному человеку, потому что все мы видим людей, ушедших в эти "Анонимные алкоголики" - да, там им помогают, может быть, избавиться от порока, избавиться от греха, но это им не помогает стать полноценными людьми. Они перестают быть алкоголиками - те, которые перестают, - но они все равно остаются с этой проблемой, остаются в круге этих тем, в круге бесконечного обсуждения этих проблем.

БРАТСТВО "ТРЕЗВЕНИЕ"

Проект концепции

Апостол с фрески Каваллини «Страшный суд». Ок. 1293.

Братство может состоять из трех категорий лиц:

1) людей, которые чувствуют так или иначе свою зависимость от алкоголя, табака или тех или иных наркотиков;

2) тех, кто лично страдает от зависимости других людей, кто сам себя ощущает "созависимым". (Это слово не понимается в терминологии "Анонимных алкоголиков", т.е. не применяется автоматически ко всем родным и близким зависимых).

3) тех, кто хотел бы помогать первым и вторым.

Главная задача - добиться того, чтобы всякий человек, будучи христианином, достиг духовной свободы и свободы от страстей, достиг трезвости и трезвения, чтобы он достиг полноты жизни, чтобы он мог приобщиться ко всем сторонам этой жизни, а не только решать всю жизнь какую-то одну проблему.

Один из главных принципов - взаимопомощь для всех членов братства.

Основанием принятия в братство для первой и основной группы людей будет искреннее, не абстрактное, а конкретное личное желание преодолеть свою зависимость, с ней расквитаться до конца и желание что-то для этого конкретно сделать, а не только абстрактно сожалеть о своем положении. Для тех, кто относится ко "второй категории" очень важным будет преодолеть свои комплексы и страхи, связанные с тем, что когда-то в их жизни были или есть люди зависимые, преодолеть какие-то свои озлобления и обиды. Для третьей категории лиц единственное требование - не быть формальными членами братства.

В жизни братства должны быть:

1) Какие-то специальные регулярные богослужения, простые, короткие, не утомительные, которые были бы сориентированы именно на членов этого братства.

2) Очень небольшое, но особенное молитвенное правило, может быть, состоящее из одной молитвы или из одной маленькой ектеньи, или из поминовений тех или иных людей.

3) Регулярное причастие и благодарение Бога - полное участие в евхаристическом собрании, для чего необходимо жить так, чтобы можно было причаститься (известно, что есть такие степени зависимости, которые ставят препятствия для этого).

4) Достаточно строгое членство (хотя возможно и кандидатство), свой

председатель, маленький рабочий совет.

5) Какое-то духовное попечительство, ибо без возможности исповеди, без возможности трезвой оценки реального состояния человека иногда бывает трудно, очень трудно двигаться вперед. Трезвенные оценки себя в этих ситуациях - это большая проблема для всех зависимых людей. Обычно эта оценка бывает или резко занижена, или резко завышена, или плавают туда-сюда и человек попадает в очень трудную душевно-духовную ситуацию, когда он то имеет великие планы и думает, что ему море по колено, то, наоборот, думает, что ничего уже сделать не может и должен только подчиниться судьбе, что он вообще никому не нужен и ни на что не способен.

6) Ярко выраженный общинно-братский дух и настрой, основанность на общинно-братской экклезиологии.

7) Совместный труд, в т.ч. как жертва и благодарность Богу и ближним за помощь, а не только как некая трудотерапия. Этот труд не должен быть несвободным, но он должен быть. (Об этом говорят практически все люди, которые более-менее успешно справляются с такого рода проблемами: человек не должен быть праздным, надо преодолеть свою замедленность, лень и расслабленность).

8) Решительность в исполнении своих задач и решимость на новую жизнь: все должны иметь стремление к служению и послушанию Богу, к ответственности за свою жизнь. Возможен обет с крестоцелованием тем, кто зависим, - не прикасаться ни к алкоголю, ни к куреву, ни к наркотикам. (Конечно, к этому обету нужно готовиться. Нельзя механически дать обет и думать, что все сразу совершится: чтобы его можно было исполнить, нужно собрать какие-то силы. У тех, кто мог решить такие проблемы "рывком", это уже произошло в момент вхождения в церковь. А если не произошло тогда, сейчас рассчитывать на такого рода быстрые, мгновенные изменения уже нельзя).

9) Разного рода специальные поездки, даже небольшие паломничества, какие-то встречи в паломничествах, какая-то особая программа, не обязательно связанная с основной деятельностью братства, но связанная с другим служением, которое также необходимо, т.к. члены братства не должны заниматься только своими узкими задачами.

10) Регулярная взаимопомощь зависимых, "созависимых" и помощников, какие-то необходимые для этого встречи.

11) Особые духовные размышления на фоне достижения исихии, особого духовного молчания в тишине и мире, в сердце и в уме. (Очень часто зависимость возникает как раз от отсутствия этого внутреннего мира, внутренней тишины, духовного безмолвия так же, как и способности последовательно размышлять о предстоящих задачах).

12) Официальная структура, членские взносы - тогда можно будет искать помещение, устраивать какое-то производство, добиваться каких-то грантов на особые проекты и т.д.

(Если братство не будет юридической структурой, не будет иметь прав юридического лица, то это будет крайне затруднено).

Проект представлен священником Георгием Кочетковым, духовным попечителем Преображенского сообщества, на первом собрании братства "Трезвение" 13 февраля 2004 г.

ОСТОРОЖНО: ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО

Не активизирует ли фундаменталистов сближение РПЦ и РПЦЗ? Авторы нашей газеты предлагают различные варианты ответа на этот вопрос: от оптимистического (прот. Георгий Митрофанов, "Кифа" № 11-12 за 2003 год), до - весьма сдержанного (Семен Зайденберг, "Кифа" № 1 за 2004 год).

Вот пример, наглядно иллюстрирующий эту тему. Недавно сотрудники информационной службы Свято-Филаретовского института обнаружили в почтовом ящике анонимное послание некоего прихожанина, РПЦЗ переполненное клеветой на институт и его ректора. Последовал ответ, завязалась переписка, которую мы публикуем (бережно сохранив все особенности орфографии).

Есть два момента, из-за которых эту переписку просто необходимо передать гласности: во-первых, явная дезинформированность нашего зарубежного критика, а, во-вторых, московское происхождение источника дезинформации.

Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что после того, как позорно провалились все попытки уничтожить институт и связанное с ним движение открыто, наши "оппоненты" не успокоились, но продолжают тихо и не без успеха распространять по всему миру самые гнусные слухи и сплетни. А "зарубежники", в свою очередь, как-то уж слишком легко становятся объектом манипуляций московских "политтехнологов".

Таким образом, и здесь можно вполне согласиться с Семеном Зайденбергом, есть основания предполагать, что набирающее силу сближение с РПЦЗ активизирует отнюдь не самые здоровые силы в Русской православной церкви, как на то надеется о. Георгий Митрофанов.

Остается только сказать, что основной исключительно на лжи союз доморощенного и зарубежного фундаментализма скорее всего окажется бессильным. Поэтому бояться его нечего.

А всем, кто действительно болеет за судьбу Православной церкви в России, а значит, ищет правды, а не подтверждения своего "единственно верного" мнения, будет небезынтересно познакомиться с предлагаемыми документами.

Письмо первое. (Вступление отсутствует, подпись также):

А по какому праву вы клеитесь к Русской Зарубежной Церкви? Пожалуйста несмейте! Нам с еретиками не по пути! Мы Православные и с протестантами у нас ничего общего нет, передайте это вашему создателю. Ответ из Московского патриархата на ваш счёт: Свято-Филаретовская школа в Москве хорошо известна, как детище скандально известного заштатного священника Георгия Кочеткова и представляет собой что-то вроде протестантской обновленческой секты, разорвавшей связь с канонической Церковью. Богословская комиссия, созданная при Московской Духовной Академии очень подробно рассматривала труды Кочеткова и его адептов и вскрыла всю еретическую сущность их учения. Эта секта, возглавляемая бывшим православным священником Г. Кочетковым хорошо финансируется с Запада. Прошу Вас быть с ними очень осторожными и всячески противодействовать распространению их обновленческих лжеучений. С уважением, протоиерей Александр.

Ответ: Дорогой Бенья! Вы, наверное, по скромности не подписали свой текст,

адресованный нам, - приходится воспользоваться Вашим электронным именем, уменьшив его в соответствии с детским (иначе не скажешь) содержанием текста, - не обессудьте. Хотя отвечать на него, прямо скажем, не хочется по ряду причин. Первая упомянута выше. Вторая - мы очень сомневаемся в существовании в аппарате Московской Патриархии некоего названного Вами "протоиерея Александра". Например, поскольку работники Патриархии не могут не знать, что труды о. Георгия рассматривали не одна, а две комиссии (Ваш "протоиерей" называет только одну), что первая - не "Комиссия Московской Духовной Академии" (из МДА там был только один человек), а Свято-Тихоновского института, по "весу" несравнимого с МДА, что выводы этой комиссии - тенденциозные, с грубыми искажениями анализируемых текстов и т.д., - не были приняты Святейшим Патриархом, который распорядился изучить вопрос в Синодальной богословской комиссии, и что последняя - самая высокая и наиболее компетентная из всех официально существующих в нашей церкви - ничего еретического в трудах о. Георгия НЕ НАШЛА. Любый сотрудник Патриархии знает, что "заштатный священник" - означает лишь то, что священник просто не приписан к определенному храму, но в соответствующей епархии числится, и что о. Георгий - находящийся за штатом КЛИРИК МОСКОВЫ. Поэтому написать про него вначале - "заштатный священник", а несколькими строками ниже - "бывший православный священник", может либо полный невежда (стало быть, не сотрудник Патриархии), либо злопыхатель и провокатор, что несомненно вообще со званием христианина. Для сведения сообщаем, что о. Георгий часто служит в разных православных храмах, естественно, по благословению того архиерея, в ведении которого находится храм.

Теперь - о Свято-Филаретовском институте. Также к сведению тех, кто не знает даже его правильного названия, статуса и т.п. - все это легко прочитать, зайдя на его сайт. Институт существует уже 15 лет, имеет государственную и церковную лицензии на право ведения образовательной деятельности, в его Попечительский совет входят, в т.ч., православные священники, имеющие мировую известность. Через Огласительное училище, которое действует при Институте, пришли к Богу и в Церковь тысячи людей, ставших прихожанами православных храмов. Поэтому говорить об Институте, сплетая невместимые ни в одно нормальное сознание слова вроде "протестантско-обновленческий", можно только после слишком бурной встречи Нового Года, в чем нельзя подозревать официальное лицо, к тому же облеченное диаконом саном.

Далее. К Русской Зарубежной церкви, дорогой Бенья, Институт не имел, и имеет и вряд ли будет иметь непосредственное отношение. Наверное, утверждение обратного в Вашем тексте - тоже последствия бурной встречи Нового Года, но на этот раз уже Вами. Обращаем Ваше внимание на то, что слово "клеиться", которое Вы при этом употребили, является жаргонным, неприличным в серьезном письме, а уж тем более - в устах ревнителя благочестия.

Сообщаем также, что нас глубоко огорчило отсутствие запятой в одной из Ваших фраз после слова "пожалуйста", написание Вами слитно слов "не смеите" и употребление подряд первого и двух последних слов. Будьте внимательней. Не исключено, впрочем, что столь явное пренебрежение Вами орфографией, пунктуацией и нормами письменной речи - всего лишь дополнительное свидетельство того, что Ваша ревность - "не по разуму" (на всякий случай: это выражение св. апостола Павла). Надеемся, что Вы не будете теперь так легковесны по отношению к тем, кто спешит очернить, да что там - просто оклеветать своего ближнего, не очень следя при этом за подлинностью фактов, наличием противоречий в их изложении,

точностью и содержательностью терминов и т.п., как бы эти люди себя ни называли.

Пусть же свет наступающего праздника Рождества по плоти Господа нашего Иисуса Христа изгонит всякий мрак из глаз, душ и сердец, в первую очередь, тех людей, которые "крестятся Его крещением" и "пьют Его чашу".

С грустью (оттого, что из-за Вашей анонимности вынужден остаться безымянным и аз грешный, писавший сие послание), но искренне - желаю Вам всего доброго.

Письмо второе: Милостивый государь! Меня зовут Вониамин Олейникофф, прочитав ваше послание, я даже как то пожалел, что с вами связался. Настораживает вас воспринимать - это появление от вас одного из пасторов, да-да именно пасторов как он себя именует, который разбрасывает повсюду рекламу на просмотры видеофильмов по пятницам. Деятельность свою он ласково называет любовью к братьям, оказавшаяся зарубежом, и вроде бы как никакой церкви не незнающие, но при этом догадывающийся, что как ни как у нас существуют приходы РПЦЗ и МП, и что, если люди нуждаются в помощи Церкви они идут либо к РПЦЗ или в приход МП, благославения местных владык, то есть Преосвященного Амвросия, епископа женевакого и западно-европейского (РПЦЗ) и митрополита Кирилла (МП) у него нет он действует от вашего имени. Насчёт моей орфографии, то вы правы, но это не мешает мне высказываться, более того, я убежден в том, что если вы осмелитесь высказаться по-французски, у вас будет гораздо больше ошибок. Протоиерей Александр - он служит в Храме Христа Спасителя. Пойдите к нему и объяснитесь, я уверен, что он вам выскажет тоже самое а может и вообще не станет свами терять времени И ещё таких "церквей" как ваша - всяких автокифальных, самостоятельных к великому сожалению в России развелось с приходом ельциновской "демократии" как собок нерезанных, То, что ваше направление протестанское это стало известно здесь, ваше причастие к вселенской экуменической церкви также явно проявляется с приходом ваших миссионеров, Русская Зарубежная Церковь это та Русская Церковь которая по причине изменения российских государственных границ (брест-литовский договор с немцами), оказалась в разрыве с Россией, но канонически она таже Русская Церковь которая существовала до революции и ничего общего не имеет с экуменистами. Поэтому ещё раз повторяю мы не нуждаемся в ваших миссионерах. Новые русские, устрояющиеся здесь, они приехали сюда, поверте не зетем, чтобы ходить здесь в Церковь. У них совершенно другая цель по жизни.

Ответ:

Уважаемый господин Олейникофф!

К сожалению, и теперь мы не очень понимаем, с кем ведем переписку, - стало ясно лишь то, что Вы живете в Швейцарии и являетесь прихожанином РПЦЗ. Впрочем, даже если Вы обычный мирянин, и говорите только от себя лично, мы, в отличие о Вас, не жалеем, что "связались" (как Вы пишете) с Вами, потому что только диалог может хоть что-то прояснить в этой ситуации. Надеемся, Вы понимаете, что несколько иронический тон нашего предыдущего письма (в частности, и в том, что касается орфографии и т.п.) был вызван исключительно Вашей анонимностью и непонятностью Ваших претензий, которые Вы изложили только в ответе на наше письмо, но отнюдь не желанием Вас уязвить.

Теперь по существу дела.

Тот человек, о котором Вы нам написали (без упоминания его имени) - действительно является пастором, но не является представителем нашего Института, а лишь одним из его студентов-заочников. Он был членом Русской православной церкви и, в связи с конфликтом, был вынужден из нее уйти как раз в РПЦЗ. Уехав затем в Швейцарию, он оказался, велем судеб, формально про-

Борофски Джонатан. Человек с молотком. 1984

тестантским пастором. Судя по всему, вскоре он станет православным священником, а какую юрисдикцию он при этом выберет - дело его свободной воли.

К сожалению, Вы никак не отреагировали на содержание нашего предыдущего письма. Вы лишь подтвердили, что протоиерей Александр - не мифическая фигура. А то, что этот человек Вам откровенно солгал, назвав о. Георгия "бывшим православным священником", хотя тот регулярно служит в храмах Московского Патриархата по благословению архиереев той или иной епархии, в т.ч., и в Москве, исказил в принципе ситуацию с богословскими комиссиями и итоговый результат расследования, оклеветал Институт, - самостоятельное, но безусловно православное учебное заведение, никогда не разрывавшее связи с канонической церковью, имеющее официальное письменное удостоверение как раз о наличии этой связи и т.д. - Вас не удивило и не возмутило! А ведь этот протоиерей своей ложью и клеветой оклеветывает и свой сан, и престол, у которого служит. Эту часть нашего письма Вы вообще проигнорировали. Почему? Вы не рады, что ситуация оказалась иной, лучшей, нежели Вы предполагали? В таком случае, простите, но обвинение в сектантстве мы вынуждены перенаправить Вам. Тот, кто считает правильным лишь свое мнение, независимо от его правильности или неправильности, наличия или отсутствия объективных фактов, - не может считаться вполне церковным человеком, к какой бы православной юрисдикции он формально ни принадлежал.

Мы искренне надеемся на соединение разорванной по грехам человеческим, а не по Божьей воле, единой Русской православной церкви. Однако, выставление каких либо то ни было предварительных условий считаем, вместе со священноначалием нашей церкви, неприемлемым. Голословное же обвинение других в "экуменизме", "протестантизме", "обновленчестве" и т.д., говорит о наличии все того же сектантского сознания. Исцелению от него, в частности, способствует получение серьезного духовного образования, которое дает возможность, на основе вхождения в Писание и Предиание единого Православия, по-настоящему разобраться и в событиях церковной истории, и в основательности частных богословских мнений. И еще: Евангелие говорит нам, что начинать нужно с себя, ибо всегда может оказаться, что в глазе брата - всего лишь соринка, тогда как в собственном, - увы, бревно.

Поэтому, если Вы действительно заинтересованы в правильном и полном освещении событий, - спрашивайте и отвечайте, оставив излишнюю подозрительность и необоснованные обвинения, "не радуйтесь неправде, но сорадуйтесь истине", что свойственно настоящей Любви (1 Кор 13:6), - и Бог Любви и Мира будет со всеми нами.

Надеемся, все же, что теперь Вы действительно услышите нас, и наш диалог продолжится более конструктивно.

С пожеланием радости в Господе Иисусе Христе, в вертеле Родившемся и в яслях Возлегшем нашего ради спасения,

Александр Копировский

(Прим. ред.: На это письмо ответа нет до сих пор...)

"ЗНАНИЕ БЕЗ ВОСПИТАНИЯ – ЭТО МЕЧ В РУКАХ СУМАСШЕДШЕГО"

Мы много говорим о необходимости диалога между церковью и обществом. Увы, пока этот диалог чаще всего ведется лишь на официальном уровне, и до живого разговора дело не доходит. Наша ответственность за то, чтобы этот разговор состоялся, по-прежнему мыслится нами в рамках «константиновской» симфонии, где все решится за нас теми, кто поставлен решать.

А мы? Мы люди маленькие. Для нас диалог с обществом – это общение со своими близкими. Дай Бог их к вере привести или хотя бы преодолеть их настороженность и враждебность к вере и церкви...

Между тем общество ждет – ждет не благостного словоговорения, не взмаха волшебной палочки (если и были такие иллюзии в начале 90-х, они давным-давно прошли, уступив место разочарованию и, иногда, отчуждению), но слова Церкви – слова сказанного из глубины внутреннего опыта и из глубины той традиции, которой и само-то это общество не чужое – как-никак, много веков Россия была, со всеми поправками на непросвещенность и «двоеверие», христианской страной.

Мы публикуем сегодня статью, которая важна именно как «реплика общества» в этом еще не начавшемся диалоге. И, чтобы оживить в памяти то историческое время, когда педагогика еще не была так прочно разделена на «светскую» и «религиозную», как сейчас, хотим напомнить нашим читателям несколько известных цитат.

«Идея счастья как мира и идея покоя как деятельности, к которой увлекается душа любовью, высказалась первый раз в христианстве и высказалась притом более на практике, чем в теории, в которой, напротив, она часто искажалась...

Системы общественного воспитания у всех европейских народов ... – ветви одного могучего растения, семя которого было посеяно общей для всех христианской церковью...

Есть только один идеал совершенства, пред которым преклоняются все народности, это идеал, представленный нам христианством».

Все эти слова сказаны нашим великим педагогом, которого мы сегодня называли бы «светским» – Константином Дмитриевичем Ушинским (1824 – 1870/71) Что они значат для нас сегодня, кроме того, что в одну воду не входят дважды, и что повторить попытку воцерковить разом все общество и все государство было бы безумно? Этот вопрос мы обращаем к вам, наши читатели и авторы.

"Молодежь стала распушенной и ленивой, не верит в древние устои, живет легкомысленно", – сетовал древнекитайский философ. За прошедшие тысячелетия многое изменилось, но почему же так актуальна эта озабоченность?

Стремительный научно-технический прогресс оттолкнул человечество от духовных ценностей к материальным. Такова ущербная обратная сторона новой экономики. Тупиковость этого пути становится очевидной. Чтобы не перейти некую черту, "точку возврата", нужно менять сознание людей. Не случайно президент РФ В.В. Путин считает духовное воспитание молодого поколения той основой, которая будет определять судьбу Отечества.

Конечно, базовые установки формируются в семье, но главным действующим лицом был и остаётся учитель. Ему дана великая миссия пробуждать не только молодые умы, но и неокрепшие души, учить совести, добру, справедливости, терпимости, милосердию. А ещё отринуть от подростков злобу, жадность, равнодушие.

К сожалению, пьянящий ветер реформ и идеологические кульбиты значительно повредили единство системы образования и воспитания. Многим показалось, что задача учебных заведений – только просвещение. Что свобода не терпит никаких форматов, в том числе нравственных. А ведь, по меткому замечанию Менделеева, "знание без воспитания – это меч в руках сумасшедшего". Нельзя пренебрегать историческим опытом России, уникальными духовными устоями нашего народа, вековыми традициями педагогики. Совсем не случайно императрица Екатерина II в своём знаменитом Наказе провозгласила, что цель воспитания юношества – дать ему хорошее общее образование и нравственное развитие. Эта идея стала основой педагогической реформы, проведенной в нашем государстве во второй половине XVIII века.

Не лишним будет взглянуть и на опыт наших зарубежных коллег, в частности, японских. Там в целом ряде официальных документов скрупулезно расписана программа государственного воспитания, элементы которого обязательно включают все учебные дисциплины. Кстати, в Японии существует немалое количество различных ассоциаций, включая ассоциации "Соседей", "Старших братьев и сестёр", в деятельности которых входят воспитательные функции.

Для наследников английской короны визиты в детские больницы и дома престарелых – мероприятие почти протокольное.

Далеко не упразднен в демократических странах и режим строгой дисциплины. В престижном колледже Великобритании, Игоне, за курение положен денежный штраф, за от-

лучку из школы без разрешения – пробежка вокруг Большого Виндзорского парка или чистка древних стен колледжа от мха, за употребление наркотиков или сексуальные отношения – исключение из школы.

Японские школьники обязаны носить форму. Боже упаси надеть в классе сережки или капроновые колготки! Уместно заметить, что самым ужасным наказанием для японских школьников является отстранение на несколько дней от занятий. Надеюсь, и к нам придут такие времена.

Для духовного становления молодежи мы должны задействовать все ресурсы. Мы обязаны научить молодое поколение справедливости, совести, добру, терпимости, милосердию. Но для этого должно меняться и само общество, чтобы истинные нравственные ценности становились реальными приоритетами, а не циничной декларацией.

К сожалению, масс-медиа часто "выступают под другими знаменами". За одну неделю по всем центральным каналам в совокупности идёт около 200 американских фильмов. В основном боевики, триллеры, эротика. То есть убийства, порнография, культ денег и силы. Не случайно Федерико Феллини сказал о телевидении: "Само изобретение великолепно, потенциал безграничен, но способ эксплуатации чудовищен". Пошлость, скверные манеры, сальная терминология преобладают и в отечественных реалии-шоу.

Между тем во многих демократических странах (Англии, Германии, Франции) действуют общественные советы, оберегающие ответственность и психику телезрителей. В США фильмы с "эффектом Скруджа", то есть скряги, не рекомендуют к показу.

А мы опять оказались впереди паровоза! Почему бы не открыть несколько образовательных телеканалов, как в добрые старые времена? Кстати, на Кубе их два, а неграмотных осталось всего 0,2%, и те старики (а ведь совсем недавно этот показатель превышал 30%).

Уровень многих печатных изданий упал многократно. В моде примитивные послылы, которые цивилизация призвана подавлять. Молодёжи навязываются извращённые нравственные ориентиры. А посеявший ветер, как известно, пожинает бурю.

Расползается угроза века – наркомания, волоча ещё одно чудовище – СПИД. По самым скромным подсчетам экспертов, сейчас в мире более 200 миллионов человек, употребляющих наркотики. В тёмной пучине пропадают и люди, попавшие в зону социального неблагополучия, и люди, обласканные успехом. Как говорится, плавают разными стилями, а тонут – одним.

За этим страшным вторже-

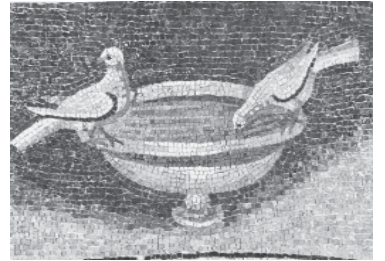
нием стоит 400 млрд. долларов ежегодной прибыли мирового наркобизнеса. Кажется, что бороться с такими сверхприбылями всё равно, что идти с вилами на танк. Но при желании можно значительно потеснить наглых "ангелов ада". Например, так произошло в США, где достигли наибольших успехов в борьбе с наркотизацией населения и где число наркоманов за последние два десятилетия сократилось вдвое. Это результат, с одной стороны, драконовских законов по борьбе с наркобизнесом, с другой, – активной антинаркотической пропаганды, которая получила в Америке необыкновенный размах и ведётся с участием "звезд" и первых лиц государства.

Главное – переломить негативные тенденции в молодёжной среде, сформировать новые социальные установки. Предстоит ещё долго учиться демократии, ведь новое общество не может возникнуть "по щучьему велению". Нам надлежит развивать для "поколения Нэкс" "принцип открытой дороги", создавать такие условия и мотивацию, чтобы было престижно, доступно и интересно учиться, работать, вести здоровый образ жизни. Возможно, следует расширить ряд стимулов и льгот для тех студентов, которые активно занимаются научной, общественной работой, спортом. Нужно оказывать поддержку ширящемуся студенческому самоуправлению, молодёжным организациям в системе профессионального образования столицы.

В этом процессе важно опираться на консолидирующую роль русской нации, её тысячелетнюю историю, великую культуру, самобытные традиции. Мы просто не имеем права разрушить связь времен. Но при этом нельзя растерять бесценный потенциал всего нашего многонационального народа. Нужно научить молодёжь любить и свою землю, и весь мир, чтобы жить с ним в согласии, чтобы сохранить и приумножить все духовное наследие человечества.

Неотъемлемой частью свободы является осознание ответственности и чувства долга. Вспомним Канта: "У каждого человека должен быть внутренний нравственный закон". Воспитание такого стержня – основополагающая задача учителя.

И здесь особую роль играет правовое воспитание. Именно из-за юридической безграмотности подростки часто становятся как преступниками, так и жертвами. Возможно, целесообразно ужесточение ответственности за социальные проступки. Но, принимая законы, необходимо добиваться их соблюдения, чтобы неотвратимость наказания была непреклонной. Это не значит, что виновного следует покарать в мелкий винегрет. В демократических странах не горюются "приклеивать тинэйджером к этикетке". Чтобы не

доводить дело до суда, там существуют схемы примирения. Например, в Европе таких программ более 800.

На мой взгляд, допустимы правила, регламентирующие поведение подростков в общественных местах и предусматривающие ответственность в случае нарушения этих правил – своеобразный "кодекс чести". Жаль, что ныне это понятие не в почёте. Полезно было бы возродить такие правила и для взрослых, потому что, как утверждал Виктор Гюго, "чтобы изменить человека, нужно начинать с его бабушки".

Но проблема нравственности предполагает не только знание моральных норм. Нужен успешный собственный опыт, ведь даже маленькая практика стоит большой теории.

Интересная, полезная и достойно оплачиваемая работа снимает многие острые вопросы. Поэтому не может не волновать то, что проблема занятости остаётся уязвимым местом в молодёжной политике. Готовых рецептов здесь нет. Однако есть постоянный креативный поиск.

Процесс воспитания имеет бесчисленные грани и требует эффективной стратегии. Стронных наблюдателей здесь быть не должно. Оценивая упущенные возможности, мы обязаны изыскивать решения проблем, опираясь на известный постулат: "Чтобы вырастить детей хорошими, надо сделать их счастливыми!"

В столице для этого есть все возможности: огромные материальные и интеллектуальные ресурсы, блестящие научные школы. И, безусловно, "золотой запас" – это плеяда замечательных педагогов, настоящих профессионалов. Они безоглядно черпают из своих открытых сердец великое терпение и бездонную бескорыстную любовь к своим ученикам и к своему делу! Изо дня в день они проделывают многотрудную работу, чтобы каждый студент смог реализовать свои способности и достичь своей цели.

Вернуть уважение к профессии учителя – важнейшее условие в деле воспитания молодого поколения. На Востоке говорят: "Отойди, чтобы не наступить на тень учителя". Давайте и мы вспомним, что на земле все профессии от людей и только три от Бога: учить, судить и лечить.

**Начальник отдела науки и высшей школы
Департамента образования
города Москвы
Евгений БЕКМЕТОВ**

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д.29, оф.38), в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул.

Николаяская, д.6), в книжном киоске первого гумфака МГУ
В Санкт-Петербурге: в магазине "Слово" (Малая Конюшенная, 9)

Телефоны распространителей:

Москва: 3142596 (Александра Ошарина), 1314769 (Ольга Филиппова), 2107006 (Ольга Орлова), 1589116 (Валерия Волкова), 3426306 (Марина Чиркова),

Санкт-Петербург: 8-9216449348 (Анастасия Наконечная)
Тверь: 8-0822502308 (Олег Ермолаев)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Чеботасва
Александра Ошарина

Иллюстратор:

Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Марсеев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Тел./факс:

(095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.